

18+

ВИКТОР ГЮГО

Трудяги МОРЯ

РОМАН

Виктор Гюго

Трудяги моря

«Издательские решения»

Гюго В.

Трудяги моря / В. Гюго — «Издательские решения»,

Новый, адаптированный перевод Алексея Козлова романа Виктора Гюго «Трудяги моря» (фр. *Les Travailleurs de la mer*). Роман написан во время изгнания писателя на острове Гернси и опубликован в 1866 году. В романе описывается подвиг одинокого рыбака, во имя любви сражающегося и побеждающего силы Природы, а потом гибнущего из-за потери смысла жизни.

© Гюго В.

© Издательские решения

Содержание

Часть Первая	6
Книга Первая	6
I	6
II	7
III	9
IV	10
V	11
VI	17
VII	19
VIII	21
Книга II	23
I	23
II	24
III	25
IV	26
Книга III	27
I	27
II	28
III	29
IV	31
V	35
VI	36
VII	37
VIII	38
IX	39
X	40
XI	41
XII	44
Книга IV	45
I	45
II	46
III	47
IV	48
V	49
VI	50
Книга V	53
I	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Трудяги моря

Виктор Гюго

Посвящаю эту книгу свободной, гостеприимной скале, клочку древней Нормандской земли, где живёт горсть честного приморского народа, суровому и приветливому острову Гернсею, моему убежищу теперь, — и, вероятно, моей гробнице

Виктор Гюго

Религия, общество, природа — вот три источника борьбы человека. Эти три борьбы в то же время и три его потребности; надобно верить, отсюда храм; надобно созидать, отсюда город; надобно жить, отсюда плуг и корабль. Но в этих трех потребностях и три рода войны. Из совокупности всех трех проистекает загадочная, таинственная трудность жизни. Человек сталкивается с препятствием в виде суеверия, в виде предрассудка и в виде стихии. Троякий рок тяготеет над нами: рок догматов, рок законов, рок внешних предметов. В «Notre-Dame de Paris» {«Собор Парижской богородицы» (франц.)} автор изобличил роковую силу догматов; в «Misérables» {«Отверженные» (франц.)} он указал на роковую силу законов; в этой книге он выставит роковую силу внешних предметов, обстановки.

К этим трем неизбежностям, окружающим человека, примешивается внутренняя неизбежность — верховный рок, человеческое сердце.

Хотвиль-Гоус,

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Виктор Гюго, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-3002-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть Первая СЬЕР КЛАБЕН

Книга Первая ДУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ»

I

Рождество 182. года на острове Гернси ознаменовалось чем-то очень примечательным. В тот день выпал снег. На Нормандских островах морозная зима — редкость, а выпавший снег — настоящее чудо. В то рождественское утро дорога, идущая вдоль берега моря от порта Святого Петра до долины оделась во всё белое. С полуночи и до рассвета шёл снег. Ближе к девяти часам, вскоре после восхода зимнего Солнца, поскольку для прихожан Англиканской церкви было ещё слишком рано отправляться в церковь Святого Самсона, а для уэслианцев — в часовню Эльдада, дорога была почти пустынна. На протяжении всего участка шоссе, отделяющего первую башню от второй, можно было увидеть только трёх пешеходов. Это были ребёнок, мужчина и женщина. Эти люди шли на некотором расстоянии друг от друга, и между ними не было никакой видимой связи. Ребёнок, мальчик примерно восьми лет, остановился и с любопытством наблюдал за зимним пейзажем. Мужчина шёл позади женщины в ста шагах от неё. Как и она, он шёл со стороны церкви Святого Самсона. По внешности этот ещё очень молодой человек был чем-то средним между рабочим и моряком. На нём была обычная рабочая одежда — что — то вроде гернсейской рубашки из грубой коричневой ткани и брюки, частично прикрытые брезентовыми гетрами, — костюм, который, казалось, указывал на то, что, несмотря на святой день, он не собирался отправляться в какое-либо место отправления культа. Когда он шёл, его тяжёлые ботинки из грубой кожи, подошвы которых были подбиты крупными гвоздями, оставляли на снегу отпечаток, больше похожий на отпечаток тюремного замка, чем на след мужской ноги. Женщина, напротив, была одета явно в расчёте на посещения церкви. На ней была просторная накидка из чёрного шелка, подбитая ватой, под которую она кокетливо надела платье из ирландского поплина, отделанное попеременно белым и розовым; если бы не красные чулки, её можно было бы принять за парижанку. Она шла лёгкой и свободной походкой, в которой было так мало намёка на бремя жизни, что легко можно было заметить, что она молода. Её движения обладали той неуловимой грацией, которая указывает на самый тонкий из всех переходов — на мягкое переплетение, так сказать, двух сумерек — на переход от состояния ребёнка к состоянию женщины. Мужчина, казалось, не обращал на неё никакого внимания. Внезапно, возле группы дубов на краю поля, в месте, называемом Бас-Мезон, она обернулась, и это движение, казалось, привлекло внимание мужчины. Она остановилась, казалось, на мгновение задумалась, затем наклонилась, и мужчине показалось, что он различает, как она выводит пальцем какие-то буквы на снегу. Затем она снова встала, продолжила свой путь более быстрым шагом, повернулась ещё раз, на этот раз улыбаясь, и исчезла слева от проезжей части, на тропинке под живой изгородью, которая ведёт к замку Айви. Когда она обернулась во второй раз, мужчина узнал в ней Дерюшетт, очаровательную девушку из этого местечка. Человек не чувствовал необходимости ускорять шаг, и через несколько минут он оказался возле группы дубов. Он уже перестал думать об исчезнувшей Дерюшетке, и если бы в этот момент над водой показалась морская свинья или малиновка попалась ему на глаза в живой изгороди, вполне вероятно, что он прошёл бы мимо своей дорогой. Но случилось так,

что его взгляд был прикован к земле; его взгляд машинально упал на то место, где остановилась девушка. Там были отчётливо видны два маленьких отпечатка ног, а рядом с ними он прочитал слово, очевидно, написанное ею на снегу: — «ЖИЛЬЯТ».

Это было его собственное имя. Некоторое время он стоял неподвижно, глядя на буквы, маленькие следы и снег, а затем пошёл дальше, очевидно, в задумчивости.

II

Жильят жил в приходе Святого Самсона. Соседи недолюбливали его, и на то были веские причины. Начнём с того, что он жил в необычном жилище, где обитали «привидения». На островах Джерси и Гернси, иногда в сельской местности, но чаще всего на улицах с большим количеством жителей, вы можете наткнуться на дом, вход в который полностью забаррикадирован. Кусты остролиста загораживают дверной проём, окна внизу забиты отвратительными гнилыми досками с гвоздями, а створки верхних этажей ни закрыты, ни открыты, потому что все оконные рамы забиты решётками, и при этом стекла разбиты. Если там и есть маленький дворик, то между его камнями растёт сорная трава, а парапет стены осыпается. Если у вас и есть сад, то он зарос крапивой, ежевикой и болиголовом, и в нём в изобилии водятся странные насекомые. Дымоходы потрескались, крыша проваливается; всё, что можно увидеть снаружи, в комнатах выглядит разрушенным. Деревянная обшивка прогнила, камень покрылся плесенью. Обои, которыми были обиты стены, отвалились и висят свободно, представляя собой историю ушедшей моды на бумажные драпировки — причудливые узоры времен Империи, драпировки в форме полумесяца времен Директории, балюстрады и колонны времен Людовика XVI. Густые завесы паутины, кишачие мухами, указывают на то, что здесь долгое время царил покойствие, которым наслаждались бесчисленные пауки. Иногда на полке можно заметить разбитый кувшин. Считается, что в таких домах водятся привидения. В народе считается, что по ночам их посещает сатана. Эти дома подобны населяющим их людям. Они становятся для самих себя тем же, чем труп является для живого тела. Суеверия, распространенного среди людей, достаточно, чтобы довести их до состояния смерти. Тогда их внешний вид ужасен. Такие призрачные дома часто встречаются на Нормандских островах. Сельские жители и жители приморских районов легко проникаются представлениями об активном участии сил зла. На Нормандских островах и на соседнем побережье Франции представления людей на этот счёт имеют глубокие корни. По их мнению, у Вельзевула есть свои служители во всех уголках земли. Несомненно, что Бельфегор является послан адских областей во Франции, Хатгин — в Италии, Белиал — в Турции, Тамуз — в Испании, Мартине — в Швейцарии и Маммон — в Англии. Сатана — такой же император, как и любой другой: это своего рода сатанинский Цезарь.

Его заведение хорошо организовано. Дагон — великий раздатчик милостыни, помощник Бенота, начальника евнухов; Асмодей — банкир за игорным столом; Кобаль — управляющий театром, а Верделет — главный распорядитель церемоний. Ниббас — придворный шут; Виерус, учёный, хороший стриголог и человек, весьма сведущий в демонологии, называет Ниббаса великим пародистом. Нормандским рыбакам, часто посещающим Ла-Манш, приходится принимать множество мер предосторожности в море из-за иллюзий, которыми их окружает сатана. Издавна считалось, что святой Маклу обитает на большой квадратной скале под названием Ортах, в море между Ориньи и Каскетами; и многие старые моряки рассказывали, что часто видели его там, сидящим и читающим книгу. Соответственно, моряки, проходя мимо, имели обыкновение много раз преклонять колени перед скалой Ортах, пока не настал день, когда легенда была разрушена и её место заняла правда. Ибо было обнаружено, и теперь это точно установлено, что одинокий обитатель скалы — не святой, а дьявол.

Этот злой дух, которого зовут Йохмус, на протяжении многих веков имел наглость выдавать себя за святого Маклу. Даже сама Церковь не застрахована от подобных ловушек. Демоны

Рагухель, Орибель и Товиил считались святыми до 745 года, когда папа Захария, наконец, разоблачив их, изгнал их из общества святых. Такого рода «прополка» священного календаря, безусловно, очень полезна; но это могут практиковать только очень опытные знатоки дьяволов и их обычаев. Старожилы этих краёв рассказывают — хотя все это относится к давно минувшим временам, — что католическое население Нормандского архипелага когда-то, хотя и совершенно невольно, находилось в ещё более тесной связи с силами тьмы, чем сами гугеноты. Однако мы не претендуем на то, чтобы сказать, как это произошло, но несомненно, что люди испытывали по этой причине сильное раздражение. Похоже, что сатана проникся симпатией к католикам и часто искал их общества; обстоятельство, которое породило веру в то, что дьявол скорее католик, чем протестант. Одна из его самых невыносимых привычек состояла в том, что он наносил ночные визиты женатым католикам в постели, как раз в тот момент, когда муж крепко засыпал, а жена начинала дремать; это был плодотворный источник домашних неприятностей.

Патуйе придерживался мнения, что правдивая биография Вольтера не должна быть лишена какого-либо намека на эту практику лукавого. Истина всего этого прекрасно известна и описана в формах отлучения от церкви в рубрике «Ночные ошибки и дьявольское семя». Эта практика особенно распространилась в Сент-Хельере в конце прошлого века, вероятно, в наказание за революцию, поскольку пагубные последствия революционных эксцессов неисчислимы. Как бы то ни было, несомненно, что возможность посещения демона ночью, когда невозможно отчётливо видеть, или даже во сне, вызвала большое смущение среди православных дам. Мысль о том, чтобы подарить миру Вольтера, была отнюдь не из приятных. Одна из них, испытывая некоторое беспокойство, посоветовалась со своим духовником по этому чрезвычайно сложному вопросу и о наилучшем способе своевременного обнаружения мошенника. Духовник ответил: «Чтобы убедиться, что рядом с вами ваш муж, а не демон, положите руку ему на голову. Если вы обнаружите рога, можете быть уверены, что что-то не так». Но это испытание не удовлетворило достойную даму.

В доме Жильята когда-то водились привидения, но он уже не был в таком состоянии; однако по этой причине к нему относились с ещё большим подозрением. Никто, сведущий в демонологии, не может не знать о том факте, что, когда колдун поселяется в доме с привидениями, дьявол считает этот дом достаточно населённым и достаточно вежлив, чтобы воздерживаться от посещения, если только его не вызовут, как доктора, по какому-то особому поводу. Этот дом был известен под названием «Бю-де-ла-Рю». Он был расположен на оконечности небольшого мыса, скорее скалистого, чем наземного, образующего небольшую гавань в бухте Хуме-Паради. Вода в этом месте глубокая.

Дом стоял совершенно особняком на мысе, почти отделённый от острова, и вокруг него было достаточно места только для небольшого сада, который иногда затапливался во время приливов. Между портом Св. Сэмпсон и ручьём Хуме-Паради возвышаются на крутом холме, увенчанном гирляндой башен, увитых плющом, и известных как замок Вейл, или Шато-дел'Аршанж; так что в Сент-Сэмпсоне бульвар Бю-де-ла-Рю был скрыт из виду. На Гернси нет ничего более обычного, чем колдуны. Они практикуют свою профессию в определённых приходах, проявляя полное безразличие к просвещению девятнадцатого века. Некоторые из их практик являются откровенно преступными. Они кипятят золото, они собирают травы в полночь, они бросают зловещие взгляды на скот и людей. Когда люди советуются с ними, они посылают за бутылками с «водой для больных», и слышно, как они таинственно бормочут: «У воды печальный лик».

В марте 1857 года один из них обнаружил в такой воде семь демонов. Их все боятся. Другой совсем недавно околдовал пекаря, «а заодно и его духовку». У другого хватило дьявольской хитрости выпекать вафли и запечатывать конверты, «внутри которых ничего не было». Другой зашёл так далеко, что выставил на полку три бутылки с этикеткой «Б». Эти чудовищ-

ные факты хорошо подтверждены. Некоторые из этих колдунов услужливы и за две-три гиней возьмут на себя лечение недуга, от которого вы страдаете. Затем видно, как они катаются по своим постелям и стонут от боли; и пока они находятся в этих муках, верующий восклицает: «Вот! Я снова здоров».

Другие лечат всевозможные болезни, просто обвязывая чресла пациента носовым платком, — средство настолько простое, что удивительно, как до него ещё никто не додумался.

В прошлом веке Королевский двор Гернси привязывал таких людей к куче хвороста и сжигал заживо. В наши дни за это приговаривают к восьми неделям тюремного заключения, четырём неделям на хлебе и воде и оставшемуся сроку в одиночной камере. Это другая участь. Последний случай сожжения колдунов на Гернси произошел в 1747 году. Городские власти посвятили этой церемонии одну из своих площадей, Карфур-дю-Бордаж.

В период с 1565 по 1700 год на этом месте пострадали одиннадцать колдунов. Как правило, преступники признавали свою вину. Чтобы добиться признания, применялись пытки. Пограничный двор действительно оказал много других услуг обществу и религии. Именно здесь еретиков отправляли на костер. При королеве Марии среди других гугенотов, сожжённых здесь, были мать и две дочери. Звали эту мать Перротина Масси. Одна из дочерей была беременна и родила ребенка даже в пламени пожара. Как говорится в старинной хронике, «Сын вентре эклата». Новорождённый выкатился из раскаленной печи. Человек по имени Хаус взял его на руки, но Хелиер Госселин из баилли, будучи добрым католиком, сурово приказал снова бросить ребёнка в огонь.

III

Мы должны вернуться к Жильяту. Сельские жители рассказывали, как в конце великой революции на Гернси переехала жить женщина с маленьким ребёнком. Она была англичанкой или, возможно, француженкой. У неё было имя, которое из-за гернсийского произношения и неправильного написания деревенских жителей в конце концов превратилось в «Джилли-атт». Она жила одна с ребёнком, который, по одним данным, был племянником, по другим — сыном или внуком, по третьим — чужим ребёнком, которого она защищала. У неё были кое-какие средства, достаточные для того, чтобы владеть жалкое существование. Она купила небольшой участок земли в Ла-Сержанте и ещё один в Ла-Рок-Креспель, недалеко от Рокуэна. В то время в доме на бульваре де ла Рю обитали привидения. Более тридцати лет в нем никто не жил. Он превращался в руины. Сад, в который так часто вторгалось море, ничего не мог взрастить. Помимо звуков и огней, которые можно было наблюдать в ночное время, у этого дома была ещё одна загадочная особенность: любой, кто вышел бы оттуда вечером, обнаружив на каминной полке моток шерсти, несколько иголок и тарелку с супом, несомненно, обнаружил бы утром, что суп съеден, тарелка опустела, и пара вязаных варежек готова. Дом, включая демона, был выставлен на продажу за несколько фунтов стерлингов. Покупателем стала незнакомая женщина, очевидно, искушаемая дьяволом или выгодной сделкой. Она не просто купила этот дом, она поселилась в нём с ребенком, и с этого момента в его стенах воцарился мир. По словам местных жителей, улица нашла подходящего жильца. Преследование прекратилось. Там больше не было видно никакого света, кроме сальной свечи новоприбывшего.

«Ведьмина свеча так же хороша, как факел дьявола».

Эта пословица удовлетворила сплетников по соседству. Женщина обрабатывала несколько акров принадлежащей ей земли. У неё была хорошая корова, из тех, что дают жёлтое масло. Она собирала белую фасоль, цветную капусту и картофель «Золотая капля». Она продавала, как и другие люди, свой пастернак тюками, лук пудами, а фасоль тоннами. Она сама не чуралась рынка, а продавала свой урожай через посредство Гильбера Фаллио, в конторе под вывеской аббатства Сент-Сампсон. В реестре Фаллио есть сведения о том, что он

однажды продал для неё целых двенадцать бушелей редкого раннего картофеля. Дом был отремонтирован некачественно, но в достаточной степени, чтобы в нем можно было жить. Только в очень плохую погоду капли дождя падали на потолки комнат. Внутреннее убранство состояло из нескольких комнат на первом этаже и амбара наверху. Первый этаж был разделён на три комнаты: две спальни и одну столовую. Лестница соединяла его с амбаром наверху. Женщина трудилась на кухне и учила ребенка читать. Она не ходила в церковь или часовню, из чего, учитывая все обстоятельства, можно было сделать вывод, что она, должно быть, француженка, раз не считает нужным появляться в местах отправления культа. Должно быть, были серьёзные причины. Короче говоря, новоприбывшие явились загадкой для соседей. То, что эта женщина была француженкой, представлялось им очень вероятным.

Вулканы выбрасывают камни, а люди совершают революции, поэтому семьи переезжают в отдалённые места; множество людей проводит свою жизнь вдали от родных мест; родственные семьи распадаются и друзья расходятся, и тогда странные люди словно падают, так сказать, с небес — кто-то в Германии, кто-то в Англии, кто-то в Америке. Жители страны смотрят на них с удивлением и любопытством. Откуда взялись эти странные лица? Вон та гора, дымящаяся от революционных пожаров, изгоняет их. Эти бесплодные перекасти-поле, эти голодные и разорённые люди, эти баловни беды известны как беженцы, эмигранты, искатели приключений. Если они живут среди незнакомых людей, к ним относятся терпимо; если они уезжают, все сразу вздыхают с облегчением. Иногда эти странники — безобидные тихони, незнакомые — по крайней мере, в том, что касается женщин — с событиями, которые привели к их изгнанию, объекты преследований, беспомощные и удивленные своей судьбой. Они снова пускают корни где только могут. Они никому не причинили вреда и едва ли понимают, какая судьба их постигла. Так, например, я своими глазами видел, как несчастный пучок травы был вырван с корнем и унесён взрывом мины. Ни один крупный взрыв не сопровождался таким количеством бездомных животных, как первая Французская революция. Странная женщина, которую жители Гернси называли «Джиллиатт», возможно, была одним из таких заблудших душ. Женщина, вырастет, ребёнок становится юношей. Они жили в покое и их избегали все; но им хватало друг друга.

IV

Тем временем юноша возмужал; и затем, когда с дерева осыпалась старая и засохшая кора, мать умерла. Она оставила своему сыну небольшое поле в Сержанте, небольшое поместье под названием Ла-Рок-Креспель и дом, известный как Бю-де-ла-Рю; с добавлением, как говорилось в официальной описи, «ста гиней золотом в кошельке», то есть в пятке её чулка. В доме уже было достаточно мебели: два дубовых сундука, две кровати, шесть стульев и стол, а также необходимая домашняя утварь. На полке стояло несколько книг, а в углу — сундук, отнюдь не таинственного вида, который пришлось открыть стамеской, чтобы провести инвентаризацию. Этот сундук был сделан из тусклой кожи, украшенной медными гвоздиками и маленькими звездочками из белого металла, и в нём лежали аккуратно сложенные наряды невесты, новые и в полном комплекте, из прекрасного дюнкеркского полотна — сорочки, нижние юбки и несколько шёлковых платьев, — а также бумага, на которой почерком покойной было написано:

«Для твоей жены, когда ты женишься».

Потеря матери стала для молодого человека страшным ударом. Он всегда был нелюдимым, а теперь стал угрюм. Одиночество окружало его со всех сторон. До сих пор это была просто изоляция; теперь в его жизни не осталось ничего. Пока у нас есть хотя бы одна родная душа, жизнь вполне сносна; оставшись в одиночестве, кажется, что бороться дальше не за чем, невозможно, и мы отступаем в жизненной гонке, что служит первым признаком отчая-

ния. Однако с течением времени мы обнаруживаем, что долг — это череда компромиссов; мы размышляем о жизни, видим её течение, цель и подчиняемся этому потоку; но это подчинение заставляет сердце обливаться кровью.

Жильят был молод, и его рана со временем затянулась. В таком возрасте печали не могут длиться вечно. Его печаль, постепенно исчезая, казалось, смешивалась с окружающей обстановкой, все больше и больше приближая его к лику Природы и всё дальше и дальше уводя от необходимости общения с людьми; и, наконец, его дух все более и более проникался одиночеством, в котором он жил.

V

Жильят, как мы уже говорили, не пользовался популярностью в приходе. Ничто не могло быть естественнее такой антипатии среди его соседей. Причин для этого было великое множество. Начнем с того, как мы уже говорили, что дом, в котором он жил, был слишком странен; затем — его загадочное происхождение. Кем была эта женщина? и что означало появление этого ребёнка? Сельские жители не любят загадок, когда они касаются незнакомцев, приезжающих к ним на время. Тогда его одежда была одеждой рабочего, хотя он был, конечно, небогат, но имел достаточно средств, чтобы жить без труда. Потом был его сад и огород, которые он успешно возделывал и на котором выращивал картофель, несмотря на бурные дни равноденствия; и еще были большие книги, которые он держал на полке и время от времени перечитывал. Другие причины: почему он вел такую уединенную жизнь? Бю-де-ла-Рю был чем-то вроде лазарета, в котором Жильят находился в своего рода моральном карантине. Это, по общему мнению, делало совершенно очевидным, что люди должны были удивляться его изоляции и считать его ответственным за то уединение, которое общество создало вокруг его дома. Он никогда не посещал часовню. Он часто уходил по ночам. Он беседовал с колдунами. Однажды его видели сидящим на траве с выражением изумления на лице. Он обитал среди друидических камней Анкресса и в пещерах фей, которые разбросаны в этой части страны. Считалось, что его видели, когда он вежливо приветствовал Рокейский Чант, или Кукарекающую Скалу. Он скупал всех птиц, которых приносили ему люди, и, купив их, выпускал на волю. Он был вежлив с достойными людьми на улицах Сент-Луиса, но охотно сворачивал со своего пути, чтобы по возможности избежать встречи с ними. Он часто отправлялся на рыбалку и всегда возвращался с рыбой. По воскресеньям он подстригал свой сад. У него была волынка, которую он купил у одного из солдат-горцев, которые иногда бывали на Гернси, и на которой он иногда играл в сумерках, сидя на камнях берега моря. Было замечено, что он совершал странные жесты, как будто сеял семена. Чего можно было ожидать от такого человека? Что касается книг, оставленных покойной женщиной, которые он имел привычку читать, соседи отнеслись к ним с особым подозрением. Преподобный Жакмен Эроде, настоятель церкви Святого Сампсона, когда он посетил дом во время похорон женщины, прочитал на корешках этих книг названия «Словарь Розье», «Кандид» Вольтера, «Советы людям о здоровье» Тиссо. Французский дворянин-эмигрант, удалившийся в Сент-Сампсон, заметил, что этот Тиссо, «должно быть, был тем самым Тиссо, который нес голову принцессы де Ламбаль на пике». Преподобный джентльмен также обратил внимание на одну из этих книг с в высшей степени фантастическим и ужасно многозначительным названием «Де Реварбаро».

Однако, отдавая должное Жильяту, следует добавить, что поскольку эта книга написана на латыни — языке, который он вряд ли понимал, — молодой человек, возможно, никогда её не читал, что во многом извиняло его. Но именно те книги, которые есть у человека, но он их не читает, являются наиболее подозрительными уликами против него. Испанская инквизиция, которая интересовалась этим вопросом, пришла к выводу, который ставит этот вопрос вне всяких сомнений. Однако книга, о которой идёт речь, была не чем иным, как трактатом

доктора Тилингиуса о корнях ревеня, опубликованным в Германии в 1679 году. Нет никакой уверенности в том, что Жильят не готовил настои и нечестивые отвары. Несомненно, у него были какие-то склянки. Почему он бродил по вечерам, а иногда и в полночь, по скалам? Очевидно, для того, чтобы пообщаться со злыми духами, которые по ночам часто появляются на морском побережье, окутанные дымом и туманами. Однажды он помогал одной ведьме в Тортевалле чистить её карету: это была пожилая женщина по имени Мутон Гаи. Когда на острове проводилась перепись населения, в ответ на вопрос о его призвании он ответил: «Рыбак, когда есть где ловить рыбу».

Представьте себя на месте соседей Жильята и признайте, что в подобных ответах есть что-то неприятное. Бедность и богатство — понятия сравнительные. У Жильята было несколько полей и дом, его неотчуждаемая собственность; по сравнению с теми, у кого ничего не было, он беден. Однажды, чтобы проверить это и, возможно, также в качестве шага к сближению — ведь есть низкие женщины, которые ради богатства вышли бы замуж за демона, — молодая девушка по соседству спросила Жильята: «Когда ты собираешься жениться, сосед?» Он ответил: «Я возьму жену тогда, когда „Рок Кьюи Чанте“ возьмет мужа». Роке-Кьюи-Чанте — это огромная скала, высящаяся в поле недалеко от Монса. Лемезюрье де Фрай. Эта скала весьма подозрительного свойства. Никто не знает, что за дела творятся вокруг неё. Иногда вы можете услышать, как там поёт петух, когда поблизости нет ни одного петуха, — крайне неприятное обстоятельство. Затем обычно утверждается, что эта скала первоначально появилась на поле ещё при эльфийском народе, известным как Саррегусеты, которые являются родней народа Синс.

Ночью, когда гремит гром, если вам случится увидеть мужчин, летящих в зловещем свете облаков или на воздушных волнах, это не кто иной, как Саррегусе. Женщина, живущая в отеле Grand Mielles, хорошо их знает. Однажды вечером, когда несколько местных жителей собрались на перекрёстке, эта женщина крикнула мужчине с тележкой, который не знал, по какой дороге ехать: «Спроси у них дорогу. Они вежливые люди и всегда готовы указать дорогу незнакомцу». Не может быть никаких сомнений в том, что эта женщина была колдуньей. Ученый и рассудительный король Яков I приказывал варить таких женщин, а затем, попробовав воду из котла, мог сказать по её вкусу: «Это была колдунья» или «Это была не колдунья». Приходится сожалеть, что короли последних дней больше не обладают талантом, который так ярко демонстрировал бы полезность монархических институтов. У Жильята были веские основания полагать, что он жил в атмосфере колдовства. Однажды в полночь, во время шторма, когда Жильят был один в море на барке, на побережье Соммейлеза, кто-то услышал, как он спросил — «Достаточно ли для меня прохода?» И чей-то голос прокричал с высоты: «Достаточно ли для тебя прохода? Правь смело!».

К кому же он мог обращаться, если не к тем, кто ему ответил? Это кажется чем-то вроде доказательства. В другой раз, одним ненастным вечером, когда было так темно, что ничего нельзя было различить, Жильятт оказался неподалеку от Катиау — Роке — двойного ряда скал, где по пятницам собираются и танцуют ведьмы, козлы и другие дьявольские создания, — и здесь, по твёрдому убеждению, был услышан голос Жильята, участвующего в следующем ужасном разговоре: — «Как поживает Весин Бровард?» (Это был каменщик, который упал с крыши дома.) «Ему становится лучше». «Спасибо! Он упал с большей высоты, чем вон та вершина. Приятно думать, что он не разбился вдребезги». «На прошлой неделе наши родители отлично провели время, собирая морские водоросли». «Да, еще лучше, чем сегодня». «Я тебе верю. Сегодня на рынке будет мало рыбы». «Ветер слишком сильный». «Они не могут опустить сети». «Как поживает Кэтрин?» «Она очаровательна».

Катрин, очевидно, звали Саррегузе. Судя по всему, у Жильята были дела по ночам: по крайней мере, никто в этом не сомневался. Иногда его видели с кувшином в руке, когда он выливал воду на землю. Известно, что вода, выплеснутая на землю, принимает форму чертей.

На дороге в Сент-Сампсон, напротив башни Мартелло, номер 1, стоят три камня, расположенные в виде ступенек. На платформе из этих камней, ныне пустой, в древности стоял крест или, возможно, виселица. Эти камни, как всем казалось, были полны злых влияний. Солидные и достойные люди и вполне заслуживающие доверия свидетели утверждали, что видели Жильята в этом месте беседующим с жабой. В настоящее время на Гернси нет жаб. Доля рептилий на Нормандских островах, населяющих Гернси, состоит исключительно из змей. Все жабы водятся на Джерси. В таком случае, эта жаба, должно быть, приплыла с соседнего острова, чтобы пообщаться с Жильятом.

Разговор был дружеским. Эти факты были чётко установлены, и доказательством служит то, что три камня находятся там по сей день. Те, кто сомневается в этом, могут пойти и посмотреть на них; а чуть поодаль стоит дом, на котором прохожий может прочесть эту надпись: — «Торговец скотом, живым и мёртвым, старыми снастями, железом, костями и жевательным табаком, своевременная оплата товаров и внимательное отношение к заказам».

Нужно быть настоящим скептиком, чтобы оспаривать существование этих камней и дома, о котором идёт речь. Оба эти обстоятельства нанесли ущерб репутации Жильята. Только самые невежественные люди не знают о том, что самая большая опасность на побережье Нормандских островов — это король окриньеров. Ни один обитатель морей не является более грозным. Тот, кто его видел, наверняка застрянет между одним Сен-Мишелем и другим. Он маленький, по сути, карлик, и глухой, несмотря на то, что он король. Он знает имена всех тех, кто утонул в морях, и места, где они покоятся. Он обладает глубокими знаниями об этом огромном кладбище, которое простирается далеко под водами океана. Массивная в нижней части и узкая в области лба голова; приземистая и тучная фигура; череп, покрытый бородавчатыми наростами; длинные ноги, длинные руки, плавники вместо ступней, когти вместо кистей и морда цвета морской волны — вот основные характеристики этого вида королей волн. Его когти напоминают ладони, а плавники — человеческие ногти.

Представьте себе призрачную рыбу с человеческим лицом. Никакая сила не сможет помешать его шашням, если только его не изгонят или, возможно, не выловят из моря. Тем временем он продолжает свои зловещные набеги на мир. Нет ничего неприятнее, чем встреча с этим чудовищем: среди накатывающихся волн и бурунов или в густом тумане моряк иногда замечает странное существо с выпуклым лбом, широкими ноздрями, приплюснутыми ушами, огромным ртом, челюстями с редкими зубами, остrokонечными бровями и огромными глазами. О, кто бы видел эти наглые, ухмыляющиеся глаза. При ярком свете молнии он кажется красным, при пурпурном — бледным. У него жёсткая, раскидистая борода, с которой стекает вода, и поверх неё надето что-то вроде пелерины, украшенной четырнадцатью ракушками, семью спереди и семью сзади. Эти раковины интересны тем, кто сведущ в конхологии. Короля Окринье можно увидеть только в штормовых морях. Он является грозным предвестником бури. Его отвратительный облик виден в тумане, во время шквала, во время ливня. Грудь у него отвратительная. Чешуйчатый покров покрывает его бока, как жилет. Он возвышается над волнами, которые летят по ветру, скручиваясь и завиваясь, как тонкие деревянные стружки под рубанком плотника. Тогда вся его фигура выступает из пены, и если на горизонте вдруг появляется какое-нибудь судно, терпящее бедствие, бледное и мерцающее в сумерках, или его лицо озаряется зловещей улыбкой, он танцует ужасный и неотесанный танец. Действительно, встретить его в путешествии — дурное предзнаменование.

В то время, когда жители Сент-Сампсона были особенно взволнованы разговором о Жильяте, последние, кто видел короля Окриньеров, заявили, что его пелерина теперь украшена всего тринадцатью ракушками. Тринадцать! Он стал ещё опаснее. Но что стало с четырнадцатью? Не отдал ли он её кому-нибудь? Никто не мог сказать определённо, и люди ограничивались догадками. Но несомненным фактом было то, что некий Монс Люпен Мабье из Годена, человек состоятельный, плативший приличную сумму в виде земельного налога, был

готов подтвердить под присягой, что однажды видел в руках Жильята весьма примечательную раковину. Среди сельских жителей нередко можно было услышать такие диалоги:

«У меня здесь отличный бык, сосед, что скажешь?»

«Очень хороший, сосед?»

«Это факт, хоть я и говорю это, но он лучше подойдёт для сала, чем для мяса».

«Вердиа!»

«Вы уверены, что Жильят не обратил на него внимания?»

Жильят иногда останавливался возле поля, где собирались работники, или возле садов, в которых работали садовники, и, возможно, слышал эти таинственные слова: «Когда зацветёт смерть дьявола, соберите озимую рожь». («Смерть от дьявола» — это растение-щитовка.) «Ясень распускает листья. Заморозков больше не будет». «Летнее солнцестояние, чертополох в цвету». «Если в июне не будет дождя, пшеница побелеет. Остерегайтесь плесени». «Когда появится черемуха, опасайтесь полнолуния». «Если погода на шестой день новолуния такая же, как на четвёртый или на пятый день, то в течение всего месяца она будет такой же девять раз из двенадцати в первом случае и одиннадцать раз из двенадцати во втором». «Присматривайте за соседями, которые обращаются с вами в суд. Остерегайтесь зловредных влияний. Свинья, которой дали теплого молока, умрёт. Корова, которой натерли зубы луком-пореем, больше не будет есть». «У моллюсков время нереста, остерегайтесь лихорадки». «Когда начнут появляться лягушки, сажайте дыни». «Когда зацветёт печеночница, посейте ячмень». «Когда зацветут липы, косите луга». «Когда зацветут вязы, откройте теплицы». «Когда зацветут табачные поля, закройте теплицы». И, как ни страшно говорить, эти оккультные предписания были не лишены истины. Те, кто верил в них, могли подтвердить этот факт.

Однажды ночью, в июне месяце, когда Жильят играл на своей волынке на песчаных холмах на берегу Деми-де-Фонтенель, случилось так, что лов макрели закончился неудачей. Однажды вечером, во время отлива, случилось так, что тележка, груженная морскими водорослями для удобрения, перевернулась на пляже перед домом Жильята. Наиболее вероятно, что он боялся предстать перед судьями, поскольку приложил немало усилий, помогая поднять тележку, и сам снова наполнил её. Маленький безнадзорный ребёнок по соседству, которого беспокоили паразиты, сам отправился в порт Святого Петра и вернулся с мазью, которой натерли голову ребенка. Таким образом, Жильят избавил бедного ребёнка от паразита, что свидетельствовало о том, что изначально его заразил сам Жильят, ибо всем известно, что в заражении людей паразитами есть определённое колдовство. Жильята подозревали в том, что он заглядывал в колодцы — опасная практика для тех, у кого дурной глаз; и действительно, в Аркулоне, недалеко от порта Святого Петра, вода из колодца стала нездоровой. Добрая женщина, которой принадлежал этот колодец, сказала Жильяту: «Посмотри сюда, на эту воду», — и показала ему полный стакан. Жильят признал это. «Вода густая, — сказал он, — “это правда».

Добрая женщина, которая в глубине души боялась его, сказала: «Сделай её снова сладкой для меня». Жильят задал ей несколько вопросов: есть ли у нее конюшня? был ли в конюшне водосток? не проходил ли водосточный желоб рядом с колодцем? Добрая женщина ответила «Да». Жильят пошёл в конюшню, починил водосток, повернул желоб в другую сторону, и вода снова стала чистой. Люди в округе могли думать всё, что им заблагорассудится. Колодец не может в один момент стать грязным, а в следующий — пресным без уважительной причины; суть дела была скрыта во мраке; и, короче говоря, трудно было не прийти к выводу, что сам Жильят заколдовал воду. Однажды, когда он приехал на Джерси, было замечено, что он снял квартиру на улице, которая называется Улица Аллеров. Теперь слово «аллеры» означает «духи из другого мира». В деревнях принято собирать воедино все эти мелкие намеки и указания на жизненный путь человека; и когда они собраны вместе, то в совокупности складывается его репутация среди жителей.

Случилось так, что однажды у Жильята потекла кровь из носа. Обстоятельства казались серьёзными. Капитан барка, который совершил почти кругосветное плавание, утверждал, что у тонгусийцев все колдуны страдали от кровотечения из носа. На самом деле, когда вы видите, как у человека в тех краях идёт носом кровь, вы сразу понимаете, что к чему. Однако здравомыслящие люди отмечали, что характеристики колдунов тонгусийцев, возможно, не применимы в той же степени к колдунам Гернси. В окрестностях одного из Сент-Мишелей было замечено, как он остановился неподалеку от Гурьо, в стороне от шоссе, ведущего из Виде-клина. Он свистнул в поле, и мгновение спустя туда опустилась ворона, а еще через мгновение — сорока. Этот факт был засвидетельствован достойным человеком, который с тех пор был назначен на должность дузенира из Дузена, как называются те, кто уполномочен проводить новое обследование и регистрировать королевские владения. В Амеле, в провинции Л'Эпин, жили несколько старух, которые были уверены, что однажды утром слышали, как несколько ласточек отчетливо кричали «Жильят».

Добавьте ко всему этому, что у него был злобный характер. Однажды бедняк избивал осла. Осёл был упрям. Бедняга нанёс ему несколько ударов в живот деревянным башмаком, и осёл упал. Жильят бросился поднимать несчастное животное, но оно было мертво. После этого Жильят задал бедняге хорошую взбучку. В другой раз Жильят, увидев мальчика, спускающегося с дерева с выводком маленьких птенцов, только что вылупившихся и неоперившихся, отобрал у мальчика выводок и зашёл в своей злобе так далеко, что даже забрал их обратно и посадил обратно на дерево. Несколько прохожих подхватили жалобу мальчика, но Жильят ничего не ответил, только указал на старых птиц, которые с жалобными криками кружили над деревом в поисках своего гнезда. Он питал слабость к птицам — ещё один признак, по которому люди узнают колдуна. Детям доставляет удовольствие грабить птичьи гнёзда на утесе. Они приносят домой большое количество жёлтых, синих и зелёных яиц, из которых делают чётки для украшения каминной полки. Поскольку утёсы высокие, птенцы иногда соскальзывают и погибают. Нет ничего красивее, чем ставни, украшенные яйцами морских птиц. Озорной изобретательности Жильята не было предела. Он забирался, рискуя собственной жизнью, на крутые места морских скал и развешивал связки сена, старые шляпы и всевозможные пугала, чтобы отпугнуть птиц от строительства там гнёзд и, как следствие, помешать детям посещать эти места. Таковы некоторые из причин, по которым Жильятта не любили по всей стране. Возможно, ничего другого и нельзя было ожидать.

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ ФАКТОВ О Жильятте

Общественное мнение еще не совсем определилось в отношении Жильятта. В целом его считали Маркусом: некоторые зашли так далеко, что приняли его за Камбиона. Камбион — это ребёнок женщины, зачатый дьяволом. Когда женщина рождает своему мужу семерых детей мужского пола подряд, седьмым является Марку. Но этот ряд не должен прерываться рождением ребёнка женского пола. У маркуса на какой-то части тела от природы явлена лилия, и по этой причине он обладает способностью излечивать золотуху, точно такой же, как у короля Франции. Маркусы встречаются во всех частях Франции, но особенно в Орлеанском регионе. В каждой деревне Гатинэ есть свой маркус. Для исцеления больных достаточно, чтобы маркус подышал на их раны или позволил им прикоснуться к своим лилиям. Ночь на Страстную пятницу особенно благоприятна для этих церемоний. Десять лет назад в Орме, что в Гатинэ, жил один из таких людей, которого прозвали Красавцем Маркусом, и с ним советовалась вся страна Бос. Это был бондарь по имени Фулон, у которого были лошадь и повозка. Чтобы положить конец его чудесам, пришлось призвать на помощь жандармов. У него на левой стороне груди была лилия; у других Маркусов она была в разных местах. На Джерси, в Овиньи и на Гернси тоже есть маркусы. Этот факт, несомненно, каким-то образом связан с правами Франции на Нормандию, но почему именно лилии? На Нормандских островах также есть люди, страдаю-

щие золотухой, что, конечно, требует достаточного запаса этих маркусов. Некоторым людям, случайно оказавшимся рядом, когда Жильят купался в море, показалось, что они видят на нём лилию. Когда его спросили об этом, он ничего не ответил, а только расхохотался. Потому что иногда он смеялся, как другие мужчины. С тех пор, однако, никто никогда не видел его купающимся: с тех пор он мылся только в опасных и уединенных местах, вероятно, при лунном свете, что само по себе было весьма подозрительно.

Те, кто упорно считал его камбионом, или сыном дьявола, очевидно, заблуждались. Им следовало бы знать, что камбионы почти не встречаются за пределами Германии. Но пятьдесят лет назад долина и Сент-Сэмпсон были местами, отличавшимися невежеством своих обитателей. Представить, что житель острова Гернси может быть сыном дьявола, было, очевидно, абсурдно. К Жильяту обратились за советом именно по той причине, что он вызывал беспокойство среди людей. Крестьяне в страхе приходили к нему, чтобы рассказать о своих болезнях. В этом страхе было что-то от веры в его силы, потому что в сельской местности, чем больше доктора подозревают в колдовстве, тем надёжнее лекарство. У Жильята были свои собственные лекарские средства, которые он унаследовал от покойной матери. Он раздавал их всем, кто в них нуждался, и никогда не брал за это плату. Он лечил уайтлоу с помощью лекарственных трав. Жидкость в одном из его флаконов снимала лихорадку. Аптекарь из Сент-Сампсона, или фармасьен, как его называли во Франции, предположил, что это, вероятно, отвар коры из иезуитов. Наиболее великодушные из его цензоров признавали, что Жильят был не таким уж плохим демоном в обращении с больными, если судить по его обычным лекарствам. Но, будучи Марку, он ничего не стал бы предпринимать. Если люди, страдающие золотухой, приходили к нему просить разрешения прикоснуться к лилиям на его коже, этим он не давал иного ответа, кроме как захлопнуть дверь у них перед носом. Он упорно отказывался творить какие — либо чудеса — нелепая позиция для колдуна. Никто не обязан быть колдуном, но когда человек им становится, он не должен уклоняться от обязанностей, вытекающих из его положения.

В этой почти всеобщей антипатии можно найти одно или два исключения. Сьер Ландуа из клана Клосландес был клерком и регистратором в порту Святого Петра, хранителем документов и реестровой книги рождений, браков и смертей. Этот Ландойс гордился своим происхождением от Питера Ландойса, казначея провинции Бретань, который был повешен в 1485 году. Однажды, когда сьер Ландуа купался в море, он отважился заплывать слишком далеко и чуть не утонул — Жильят бросился в воду, сам едва не утонул, но ему удалось спастись и спасти тонущего. С того дня Ландуа никогда не говорил о Жильяте дурного слова. Тем, кто выражал удивление по поводу этой перемены, он отвечал: «Почему я должен ненавидеть человека, который никогда не причинял мне вреда и который оказал мне такую неоценимую услугу?»

Приходской клерк и регистратор в конце концов даже прониклись к Жильяту чем-то вроде дружеских чувств. Этот общественный деятель был человеком без предрассудков. Он не верил в колдунов. Он смеялся над людьми, которые приходили в раж от страха перед призрачными гостями. Что касается его самого, то у него была лодка, на которой он развлекался рыбной ловлей в часы досуга; но он никогда не видел ничего необычного, за исключением одного случая — женщины, одетой в белое, которая появилась из воды при свете луны, — но даже в этом обстоятельстве он был не совсем уверен. Мутон Гаи, старая ведьма из Тортеваля, дала ему маленький мешочек, который он носил под галстуком для защиты от злых духов: он смеялся над мешочком и не знал, что в нём находится, хотя, конечно, носил его с собой, чувствуя себя в большей безопасности, когда на его шее висел этот амулет. Некоторые смельчаки, воодушевлённые примером Ландойса, отваживались приводить в пользу Жильята некоторые смягчающие обстоятельства; находя кое-какие признаки его хороших качеств, такие как трезвость, воздержание от спиртных напитков и табака; а иногда они заходили так далеко, что произносили в его адрес такие изящные похвалы: «Он ни курит, не пьёт, не жуёт табак и не нюхает нюхательны еmesi.»

Трезвость, однако, может считаться добродетелью только тогда, когда есть другие добродетели, подкрепляющие её. Общественное мнение наложило на Жильята тяжёлый отпечаток. В любом случае, как марку, Жильят мог оказать людям большие услуги. В одну из Страстных пятниц, в полночь, в день и час, благоприятные для такого лечения, все золотушные жители острова, то ли по внезапному наитию, то ли в результате согласованных действий, собрались толпой на бульваре Бю-де-ла-Рю и с жалобными язвами и умоляющими жестами позвали его на Гиллиат, чтобы он очистил их. Но он отказался, и в этом люди увидели ещё одно доказательство его недоброжелательности.

VI

Таков был характер Жильята. Молодые женщины считали его уродом. Уродливый он, конечно, не был. Наоборот, его, пожалуй, можно было бы назвать красивым. В профиле его лица было что-то от грубоватого, но античного изящества. В состоянии покоя он чем-то напоминал изваяние дака на колонне Траяна. Уши у него были маленькие, изящные, без мочек, и прекрасной формы, удобной для слуха. Между глазами у него была та гордая вертикальная складка, которая указывает на смелость и стойкость мужчины. Уголки рта были опущены, что придавало лицу выражение лёгкой горечи. Его лоб имел спокойную и благородную округлость. Его ясные зрачки смотрели пристально, хотя его немного смущало то непроизвольное движение век, которое бывает у рыбаков при виде блеска волн. Смех у него был мальчишески звонкий и приятный. Невозможно было найти что-либо более белоснежное, чем его зубы, но пребывание на Солнце сделало его смуглым, как мавр. Нельзя безнаказанно противостоять океану, буре и темноте. В тридцать лет он уже выглядел как сорокапятiletний мужчина. На нём была мрачная маска ветра и моря.

Люди прозвали его «Злобный Жильят». Есть индийская легенда о том, как однажды бог Брахма спросил Духа Силы: «Кто сильнее тебя?», и дух ответил: «Хитрый». Китайская пословица гласит: «Чего бы не смог сделать лев, если бы он тоже был обезьяной?»

Жильят не был ни львом, ни обезьяной, но его поступки свидетельствовали о справедливости китайской пословицы и индусской басни. Несмотря на обычный рост и силу, он обладал такой изобретательностью и могучей ловкостью, что мог поднимать тяжести, которые были бы под силу великану, и совершать подвиги, которые сделали бы честь античному гиганту. В нём было что-то от силы гимнаста. Он одинаково умело орудовал как левой, так и правой рукой. Он никогда не носил ружья, но его часто видели с сетью. Он щадил птиц, но не рыбу.

Не повезло же этим бессловесным тварям! Он был отличным пловцом. Одиночество либо развивает умственные способности, либо делает людей тупыми и порочными. Жильят иногда проявлял себя в обоих этих аспектах. Временами, когда на его лице появлялось то странное удивление, о котором уже упоминалось, его можно было принять за человека, умственные способности которого едва ли превосходили способности дикаря. Но в иные моменты его лицо озарялось неопишущей проницательностью.

В Древней Халдее было немало людей с таким характером. В определенные моменты тупость ума пастуха становилась прозрачной и открывала вдохновенного мудреца. В конце концов, он был всего лишь бедным человеком, необразованным, если не считать умения читать и писать. Вероятно, состояние его ума было на том пределе, который отделяет мечтателя от мыслителя. Мыслитель хочет, а мечтатель — это пассивный наблюдатель. Одиночество глубоко проникает в чистые натуры и в определенной степени изменяет их. Они неосознанно проникаются чем-то вроде священного трепета. Тень, в которой постоянно пребывал разум Жильята, состояла почти в равной степени из двух элементов, неясных, но очень разных. Внутри него всё было невежеством и слабостью, снаружи — бесконечностью и неосознанной, таинственной силой.

Часто взбираясь на скалы, карабкаясь по скалистым утесам, курсируя между островами в любую погоду, управляя любым судном, которое попадалось под руку, проводя день и ночь в труднодоступных проливах, он стал, не принимая во внимание другие свои преимущества, и просто следуя своей фантазии и удовольствию, он стал моряком необычайного мастерства. Он был прирождённым лоцманом. Настоящий лоцман — это человек, который ориентируется не только на поверхности, но и на дне океана. Морские волны — это внешняя проблема, угроза постоянно меняется под воздействием подводных условий в водах, по которым движется судно. Глядя на Жильята, ведущего своё судно среди рифов и отмелей Нормандского архипелага, можно было подумать, что он держит в голове план морского дна. Он был знаком со всем этим и ничего не боялся. Он был лучше знаком с буйками в каналах, чем с бакланами, которые устраивают там свои привалы. Почти незаметные различия, отличающие четыре вертикальных буя — Кре, Аллиганд, Треми и Сардрет, — были ему прекрасно видны даже в туманную погоду. Он не колебался ни перед овальным бумом в форме яблока в Анфре, ни перед тройным железным острием в Русе, ни перед белым шаром в Корбетте, ни перед чёрным шаром в Лонг-Пьере; и можно было не опасаться, что он перепутает крест из Губо с мечом, воткнутом в землю в Ла-Платте, или буй в форме молота из Барбе с загнутым хвостом из Мулине. Его редкое мастерство в морском деле проявилось поразительным образом однажды на Гернси, во время одного из тех морских турниров, которые называются регатами. Задача, которую предстояло совершить, состояла в том, чтобы в одиночку проплыть на лодке с четырьмя парусами от Сент-Сэмпсона до острова Херм, расположенного на расстоянии одной лиги, и вернуть лодку обратно из Херма в Сент-Сэмпсон. Управлять без посторонней помощи лодкой с четырьмя парусами — это подвиг, на который способен каждый рыбак, и трудность казалась незначительной, но было условие, которое делало это далеко не таким простым. Начнем с того, что это был один из тех больших и тяжёлых шлюпов ушедших времен, которые моряки прошлого века знали под названием «голландские пузатые лодки». Это старинное плоское, пузатое судно, имеющее по левому и правому бортам, в качестве компенсации за отсутствие киля, два крыла, которые опускаются сами по себе, иногда одно, иногда другое, в зависимости от ветра, иногда их всё ещё можно встретить в море...

Во-вторых, было возвращение из Херма, путешествие, которое усложнялось из-за тяжёлой балластировки лодки камнями. Условия были таковы: отправляться порожняком, а возвращаться нагруженным. Шлюп был призом конкурса. Он был заранее посвящен победителю. Эта «голландская лодка на брюхе» использовалась в качестве лоцманского судна.

Лоцман, который в течение двадцати лет управлял шлюпом, был самым выносливым из всех моряков Ла-манша. Когда он умер, не нашлось никого, кто мог бы управлять шлюпом, и поэтому было решено сделать его призом регаты. Шлюп, хотя и не имел палубы, обладал некоторыми морскими качествами и был заманчивым призом для умелого моряка. Его мачта была вынесена несколько вперёд, что увеличивало движущую силу парусов, а также давало преимущество в том, что они не мешали лоцману. Это было крепкое, тяжёлое судно, но вместительное, оно хорошо плавало в открытом море; в сущности, это было хорошее, исправное судно. Все с нетерпением ждали приза; задача была нелёгкой, но награда за успех стоила того. Семь или восемь рыбаков, из числа самых энергичных жителей острова, вызвались на регату. Один за другим они пытались, но ни одному из них не удалось добраться до Херма. Последний, кто попробовал свои силы, был известен тем, что пересёк на весельной лодке ужасное узкое море между Сарком и Брек-Хоу. Обливаясь потом от напряжения, он вернул шлюп обратно и сказал: «Это невозможно». Затем Жильят забрался на баркас, взялся сначала за весло, затем за грот и вышел в море. Затем, не закрепляя гик, что было бы неосмотрительно, и не отпуская его, что позволяло управлять парусом, а предоставив гику двигаться по ветру без дрейфа, он взялся за румпель левой рукой. Через три четверти часа он был в Херме. Три часа спустя, несмотря на то, что поднялся сильный ветер и дул поперек курса, шлюп, управляемый Жильяттом, вернулся

в Сент-Сэмпсон с грузом камней. Он, экстравагантно демонстрируя свои возможности, даже добавил к грузу маленькую бронзовую пушку из Херма, из которой люди имели обыкновение стрелять 5 ноября, радуясь смерти Гая Фокса. Кстати, Гай Фокс умер двести шестьдесят лет назад — удивительно долгий период радости.

Жильят, обременённый таким образом, несмотря на то, что в лодке у него была пушка времен Гая Фокса, а в паруса задувал южный ветер, направил, или, скорее, привёл обратно, в Сент-Сэмпсон, тяжёлое судно.

Увидев это, мессир Летъери воскликнул: «Вот вам и отважный моряк!» И он протянул руку Жильяту.

У нас еще будет возможность поговорить о мессире Летъери. Шлюп был вручён Жильяту. Это приключение ничуть не умалило его дурной репутации. Несколько человек заявили, что в этом подвиге не было ничего удивительного, поскольку Жильят спрятал в лодке ветку дикой мушмулы. Но доказать это не удалось. С того дня Жильят не плавал ни на одном судне, кроме старого шлюпа. На этом тяжёлом судне он занимался рыбной ловлей. Он держал его на якоре в прекрасном маленьком убежище, которое было в его полном распоряжении, под самой стеной его дома на бульваре Бу-де-ла-Рю. С наступлением темноты он перекидывал сети через плечо, пересекал свой маленький садик, перелезал через парапет из сухих камней, легко переступая с камня на камень, и, запрыгнув в шлюп, выходил в море. Он приносил домой много рыбы, но люди говорили, что в лодке у него всегда висит ветка мушмулы. Никто никогда не видел эту ветку, но все верили в её существование. Когда у него было больше рыбы, чем он хотел, он не продавал её, а раздаивал. Бедные люди приняли его дар, но благодарности не испытывали, потому что знали секрет его ветки мушмулы. Такие уловки недопустимы. Незаконно обманом лишать море его сокровищ. Он был рыбаком, но он был и кем-то большим. Инстинктивно или ради развлечения он овладел тремя или четырьмя профессиями. Он был плотником, кузнецом, колесником, конопатчиком лодок и, в какой-то степени, инженером. Никто не мог починить сломанное колесо лучше, чем он. Он по-своему изготавливал всё, чем пользуются рыбаки. В углу улицы Бу-де-ла-Рю у него были небольшая кузница и наковальня, а на шлюпе был только один якорь, и ему удалось без посторонней помощи изготовить другой. Якорь был превосходен. Кольцо обладало необходимой прочностью; и Жильят, хотя и был совершенно несведущ в этой области кузнечного искусства, нашёл точные размеры заготовки, чтобы предотвратить перекося концов двуутки. Он терпеливо заменил все гвозди в досках заклёпками, что сделало невозможным появление ржавчины в отверстиях. Таким образом, он значительно улучшил мореходные качества шлюпа. Он иногда пользовался им, когда ему хотелось провести месяц-другой на каком-нибудь уединённом островке, вроде Чузи или Каскетса. Люди говорили: «Да! Да! Жильят в отъезде», но никто не сожалел об этом обстоятельстве.

VII

Жильят был человеком мечты, отсюда его смелость, а также робость. У него были свои взгляды на многие вещи, и взгляды его были исключительно его взглядами. Возможно, в его характере было что-то от провидца и трансценденталиста. Галлюцинации могут преследовать бедного крестьянина, подобного Мартину, не меньше, чем короля, подобного Генриху IV. Бывают моменты, когда неведомое таинственным образом открывается духу человека. Внезапный разрыв в завесе тьмы делает явными вещи, доселе невидимые, а затем снова закрывает тайны, сокрытые в ней. Иногда такие видения способны преображать тех, кого они посещают. Они превращают бедного погонщика верблюдов в Магомета, а крестьянскую девушку, пасущую своих коз, — в Жанну д'Арк. Одиночество порождает стойкую степень возвышенности духа. Это похоже на дым, поднимающийся от неопалимой купины. В результате возникает таинственная ясность ума, которая превращает студента в провидца, а поэта — в пророка: здесь

мы находим ключ к тайнам Хорива, Кедрона, Омбоса; к опьянению кастильскими лаврами, к откровениям месяца Бузион. Отсюда и Пелея в Додоне, Фемоноя в Дельфосе, Трофоний в Лебадее, Иезекииль на Хеваре и Иероним в Тетаисе. Чаще всего это духовидческое состояние подавляет и одурманивает свою жертву.

Существует такая вещь, как божественное одурманивание. Индусский факир несёт с собой бремя своего видения, как кретин — свой желудок. Лютер, беседующий с дьяволами в своей мансарде в Виттенбурге; Паскаль, закрывающий вид на адские области экраном своего кабинета; африканец Оби, беседующий с белолицым богом Боссумом; все это — одно и то же явление, по-разному интерпретируемое умами, в которых они проявляются, согласно их возможности и мощи. Лютер и Паскаль были великими людьми и остаются великими до сих пор; Оби — просто бедное слабоумное создание. Если твой разум победил, то для людей бы — пророк, если проиграл — ты безумец и сумасшедший, осмеянный и гонимый всеми. Жильят не был ни столь возвышенным пермонажем, ни столь низким типом. Он был мечтателем, не более того. Природа предстала перед ним в несколько странном обличье, и этот новый мир покорила его.

Точно так же, как он часто находил в совершенно прозрачной морской воде странных существ приличных размеров и разнообразной формы, из рода медуз, которые, будучи подняты из воды, напоминали мягкий хрусталь, и, будучи снова брошены в море, терялись из виду в этой среде из-за своей идентичной прозрачности и цвету, поэтому он предположил, что другие прозрачные плёнки, похожие на этих почти невидимых обитателей океана, вероятно, могут обитать в воздухе вокруг нас. Птицы вряд ли являются обитателями воздуха, скорее это земноводные существа, проводящие большую часть своей жизни на земле. Жильят не мог поверить, что воздух — это просто пустыня. Он часто говорил: «Раз вода наполнена жизнью, почему бы не быть этому и в атмосфере?» Существа, бесцветные и прозрачные, как воздух, ускользнули бы от нашего наблюдения. Какие у нас есть доказательства того, что таких существ не существует? Аналогия указывает на то, что в жидких слоях воздуха должны быть свои плавающие обитатели, так же как и в морских глубинах. Эти воздушные рыбы, конечно, были бы прозрачными; и потому оказались бы совершенно невидны для глаз наблюдателя, это было предусмотрено их мудрым Создателем как для их блага, так и для нашего собственного. Если бы свет проходил сквозь их формы, они не отбрасывали бы тени, не имели чётких очертаний, они неизбежно остались бы неизвестными нам и недоступными человеческому пониманию.

Жильят тешил себя безумной фантазией о том, что если бы можно было лишиться землю ее атмосферы или если бы мы могли ловить рыбу в воздухе, как мы ловим рыбу в морских глубинах, то обнаружили бы существование множества странных животных. И тогда, добавлял он в своих мечтах, многое прояснилось бы. Мечтательность, которая является мыслью в её туманном состоянии, тесно граничит со страной сна, которой она ограничена как естественной границей. Открытие нового мира, в виде атмосферы, наполненной прозрачными существами, стало бы началом познания необъятного неизвестного. Но за его пределами открывается безграничная область возможного, изобилующая другими существами и характеризующаяся другими явлениями. Во всем этом не было бы ничего сверхъестественного, а просто оккультное продолжение бесконечного разнообразия творения. Несмотря на изнурительную праздность, которая была главной чертой его существования, Жильят был необычайно наблюдателен. Он даже перенёс свои наблюдения в область сна.

Сон тесно связан с реальным, которое мы одновременно называем невообразимым. Мир сна существует сам по себе. Ночное время, рассматриваемое как отдельная сфера творения, само по себе является вселенной. Материальная природа человека, на которую, как говорят нам философы, постоянно давит столб воздуха высотой в сорок пять миль, по ночам истощается, впадает в апатию, ложится и обретает покой. Плотские глаза закрыты, но в этой склоненной голове, менее неподвижной, чем принято считать, открыты другие, внутренние глаза.

Неизвестное открывает себя. Призрачные существа невидимого мира становятся более похожими на человека; независимо от того, происходит ли реальное общение, или предметы, находящиеся далеко в непостижимой бездне, таинственным образом приближаются, кажется, что неосознанные существа, населяющие космос, приходят сюда, чтобы понаблюдать за нашей природой, желая понять обитателей Земли. Некое призрачное создание поднимается или спускается, чтобы идти рядом с нами в тусклых сумерках: некое существо, совершенно отличное от нашего, состоящее частично из человеческого сознания, частично из чего-то ещё, покидает своих собратьев и возвращается снова, представ на мгновение нашему внутреннему взору; и спящий, не совсем погруженный в сон, но и не вполне осознающий происходящее, видит вокруг себя странные проявления жизни — бледные призраки, страшные или улыбающиеся, мрачные фантомы, грубые маски, незнакомые лица, гидроголовых чудовищ, неопределённые очертания, отблески лунного света там, где уны нет, смутные фрагменты чудовищных форм. Все эти явления, которые возникают и исчезают в беспокойной атмосфере сна и которым люди дают название сновидений, на самом деле являются лишь реальностью, невидимой для тех, кто бродит по миру дневного света. Мир сновидений — это Аквариум Ночи. Так, по крайней мере, думал Жильят.

VIII

В те дни любопытный посетитель тщетно искал бы в маленькой бухте Хоуме дом, в котором жил Жильят, или его сад, или ручей, в котором он укрывал голландский шлюп. Улицы Бю-де-ла-Рю больше не существует. Даже маленький полуостров, на котором стоял его дом, исчез, сровненный с землей киркой каменотеса и увезённый прочь, тележка за тележкой, торговцами камнем и гранитом. Теперь его следует искать в церквях, дворцах и на набережных большого города. Вся эта гряда камней давным-давно перенесена в Лондон. Эти длинные линии обрывистых скал в море, с их частыми провалами и расселинами, похожи на горные цепи в миниатюре. Они производят на глаз впечатление, которое, как можно предположить, производит гигант, созерцающий Кордильеры. На языке страны они называются «Банки». Эти банки значительно различаются по форме. Некоторые из них напоминают длинный позвоночник, в котором каждый камень образует один из позвонков; другие похожи на хребет рыбы; а неко-

торые имеют странное сходство с крокодилом в момент питья. На оконечности горного хребта, где располагался Бу-де-ла-Рю, возвышалась большая скала, которую рыбаки из Хуме называли «Рогом Зверя». Эта скала, похожая на пирамиду, напоминала, хотя и была меньше по высоте, «Пикакл» Джерси. Во время прилива море отделяло её от хребта, и мыс стоял особняком; во время отлива к нему примыкал скалистый перешеек. Примечательной особенностью этого «Рога зверя» было что-то вроде естественного сиденья на берегу моря, выдолбленного водой и отполированного дождями. Сиденье, однако, было ненадёжным. Незнакомца незаметно привлекла к нему «красота открывающегося вида», как говорили жители Гернси. Что-то невольно задержало его там, ибо в широком обзоре есть своя прелесть. Сиденье, казалось, само собой предлагалось для его удобства; оно образовывало что-то вроде ниши в остроконечном фасаде скалы. Взобраться на него было легко, потому что море, создавшее его из скалистого основания, также проложило под ним на удобном расстоянии своего рода естественную лестницу, сложенную из плоских камней. Опасная бездна полна таких ловушек; поэтому остерегайтесь предлагаемых ею увеселений. Место было заманчивое: незнакомец взобрался на него и сел. Там он чувствовал себя как дома; в качестве сиденья у него был гранит, округленный и выдолбленный; в качестве опор — два каменных выступа, которые, казалось, были созданы специально для него; за спиной — высокая вертикальная стена скалы, на которую он смотрел снизу вверх и восхищался, не думая о невозможности взобраться на неё. Ничего не могло быть проще, чем предаться мечтаниям в этом удобном месте отдыха. Вокруг расстиралось

широкое море; вдали виднелись корабли, снующие без остановки туда-сюда. Можно было следить взглядом за парусом, пока он не исчезал на горизонте за Каскетами. Незнакомец был очарован: он оглядывался по сторонам, наслаждаясь красотой пейзажа и лёгким прикосновением ветра и волн.

В Кайенне водится разновидность летучей мыши, которая обладает способностью обмахивать людей, когда они спят в тени, мягкими взмахами своих тёмных крыльев. Подобно этому странному существу, ветер бродит повсюду, то опустошая, то убаюкивая. Итак, незнакомец продолжал созерцать море, прислушиваясь к движению воздуха и предаваясь мечтательной лени.

Когда глаза насытятся светом и красотой, можно позволить себе роскошь ненадолго закрыть их. Внезапно празднующийся персонаж просыпался, но было уже слишком поздно. Море подступало шаг за шагом; воды окружили скалу; чужеземец был заманен на неё, чтобы встретиться здесь своей гибели.

Ужасной была эта скала во вздымавшемся море. Прилив набирает силу, сначала незаметно, затем стремительно; когда он касается скал, им, кажется, овладевает внезапная ярость, и он пенится и бурлит, как разгневанный дух моря. Плавать среди бурунов трудно: у мыса Бю-де-ла-Рю пропадали отличные пловцы. В определённых местах и в определённые периоды даже вид моря опасен, фатален, как порой бывает опасен и взгляд женщины. Древнейшие обитатели Гернси называли эту нишу, вылепленную волнами в скале, сиденьем «Гилд-Хольм-Ур», или Кидормур; по словам некоторых авторитетов, это кельтское слово, которое те, кто понимает кельтский, не могут истолковать, а те, кто понимает французский, могут — «Квай-дорт» — «Кресло Мертвеца» таков перевод деревенских жителей. Читатель может выбирать между переводом «Qui-dort-meurt» и переводом, сделанным, по-моему, в 1819 году в «Армориканском» М. Атенасом. Согласно этому ученому кельтологу, Гилд-Холм-Ур означает «Место отдыха птиц». В Ориньи есть еще одно сиденье такого рода, называемое «Кресло Монаха», которое так хорошо вылеплено волнами, а каменные ступени расположены так удобно, что можно сказать, что море вежливо снимает шляпу и подставляет скамеечку для ног тем, кто там отдыхает. В открытом море, при высокой воде, Гилд-Холм-Ур уже не был виден; вода полностью скрывала его. Гилд-Холм-Ур был соседом бульвара де ла Рю.

Жильят хорошо его знал и часто там сидел. Было ли это местом его медитации? Нет. Мы уже говорили, что он не медитировал, а мечтал. Море, однако, так и не заманило его туда, в ловушку.

Книга II

МЕСС ЛЕТЬЕРРИ. БЕСПОКОЙНАЯ ЖИЗНЬ, НО СПОКОЙНАЯ СОВЕСТЬ

I

Месс Летьерри, известный в Сент-Сампсоне человек, был выдающимся моряком. Он много плавал. Он был юнгой, матросом, главным-мачтовым матросом, вторым помощником, штурманом, лоцманом и капитаном. В то время он был судовладельцем. Не было человека, который мог бы сравниться с ним в знании моря. Он смело отправлялся на корабли, терпящие бедствие. В плохую погоду он прогуливался вдоль берега, вглядываясь в горизонт.

«Что это у нас там? — спрашивал он, — Кажется, какое-то судно попало в беду?»

Неважно, был ли это случайный рыбак из Уэймута, катер из Ориньи, бисквит из Курсейля, яхта какого-нибудь аристократа, английское судно или французское — бедное или богатое. Он прыгал в лодку, созывал двух-трёх сильных парней или обходился без них, в зависимости от обстоятельств, и выходил в море, всплывал и тонул, и снова всплывал на накатывающихся волнах, нырял в шторм и встречал опасность лицом к лицу. Тогда вдалеке, среди дождя и молний, его, насквозь промокшего, иногда видели сидящим в лодке прямо, как льва с пенящейся гривой. Часто он проводил целые дни в опасности среди волн, града и ветра, пробираясь к бортам тонущих судов во время бури и спасая людей и товары. По вечерам, после таких подвигов, он возвращался домой и коротал время за вязанием чулок. Пятьдесят лет он вёл такой образ жизни — с десяти до шестидесяти, — и до сих пор чувствовал себя молодым.

В шестьдесят лет он начал понимать, что больше не может поднимать одной рукой огромную наковальню в кузнице Варклина. Эта наковальня весила три центнера. В конце концов ревматические боли вынудили его стать пленником; он был вынужден прекратить свою прежнюю борьбу с морем, перейти от героической к патриархальной жизни, опуститься до положения безобидного, достойного старика.

К счастью, приступы ревматизма случились у него как раз в тот период, когда он обеспечил себе приличную заработную плату. Эти два последствия труда — естественные спутники жизни. В тот момент, когда люди становятся богатыми, как часто наступает паралич — печальное завершение чрезмерно напряжённой жизни!

Старые и усталые люди говорят между собой: «Давайте отдохнём и насладимся жизнью». Население островов, подобных Гернси, состоит из людей, которые всю свою жизнь обрабатывали свои маленькие поля или плавали вокруг света. Это два класса трудящихся: труженики на суше и труженики на море. Месс Летьерри принадлежал к последнему классу; его жизнь была полна тяжёлого труда. Он побывал на континенте, некоторое время был корабельным плотником в Рошфоре, а затем в Сетте. Мы только что говорили о кругосветном плавании; он обошёл всю Францию, устроившись плотником-подмастерьем; и работал на крупном солеваренном заводе во Франш-Конте. Хотя он был скромным человеком, жизнь его была полна приключений. Во Франции он научился читать, думать, иметь собственную волю. Он приложил руку ко многим вещам и во всём, что делал, оставался честным. В глубине души, однако, он оставался простым моряком. Море было его стихией; он говорил, что живёт с рыбами, когда на самом деле чувствует себя в воде, как дома. Короче говоря, всё его существование, за исключением двух-трёх лет, было посвящено океану. По его словам, брошенный в воду, он плавал по великим океанам, как Атлантическому, так и Тихому, но предпочитал пролив Ла-Манш. Он часто с энтузиазмом восклицал:

«Вот оно, море, даже в трудные времена!»

Он родился в море, и на море предпочел бы закончить свои дни. Совершив несколько кругосветных плаваний и повидав большинство стран, он вернулся на Гернси и больше никогда надолго не покидал остров. С тех пор он совершал большие путешествия в Гранвиль и Сен-Мало. Месс Летьерри был уроженцем Гернси — своеобразной смесью француза и нормандца, или, скорее, англичанина. Он обладал этим четырехкратным происхождением, слившимся воедино и почти затерявшимся в этой гораздо более обширной стране — океане. На протяжении всей своей жизни, где бы он ни бывал, он сохранял привычки нормандского рыбака. Всё это, однако, не мешало ему время от времени заглядывать в какую-нибудь старую книгу, получать удовольствие от чтения, узнавать имена философов и поэтов и время от времени немного разговаривать на всех языках мира.

II

Жиллът был дитя Природы и подобно Летьерри пасынком хаоса. Некультурная натура Летьера, однако, не обошлась без определенных уточнений. Он был привередлив в отношении женских рук. В юные годы, ещё мальчишкой, совершая переход от юнги к матросу, он слышал, как адмирал де Сюффрен сказал:

«Вот идет хорошенькая девушка; но какие ужасные большие красные руки.»

Замечание Адмирала по любому вопросу — это приказ, закон, авторитет, намного возвышающееся над авторитетом оракула. Восклицание адмирала де Сюффрена сделало Летьерри привередливым и требовательным в вопросе о маленьких и белых руках. Его собственная рука, большой дубовый кулак цвета красного дерева, была похожа на молоток или пару щипцов для дружеского захвата, и, плотно сжатая, едва не сломала бы камень брусчатки. Он никогда не был женат; у него либо не было склонности к браку, либо он так и не нашёл подходящей пары. Возможно, это было связано с тем, что он был приверженцем таких рук, как у герцогини. Такие руки, действительно, довольно редки среди дочерей рыбаков, торгующих портвейном. Ходили слухи, однако, что в Рошфоре, в Шаранте, он однажды познакомился с некой гризеттой, которая воплотила в жизнь его идеал. Она была хорошенькой девушкой с изящными руками; но она была мегерой и к тому же имела привычку чесаться. Горе тому, кто напал на нее! и все же ее ногти, хотя и способные в крайнем случае превратиться в когти, были такими чистыми, что желать лучшего было невозможно. Именно эти необычайно завораживающие ногти сначала очаровали, а затем нарушили покой Летьерри, который, опасаясь, что однажды он не сможет больше оставаться хозяином своей любовницы, решил не вести эту молодую леди к свадебному алтарю. В другой раз он встретил в Олдерни деревенскую девушку, которая ему понравилась. Он думал о женитьбе, когда один из местных жителей сказал ему:

«Я поздравляю тебя; у тебя будет для твоей жены хороший производитель топлива».

Летьерри спросил, что это значит. Оказалось, что у деревенских жителей Олдерни есть определенный обычай собирать навоз у своих коровников, который они складывают у стены, где его оставляют сохнуть на земле. Лепёшки из высушенного навоза этого вида используются в качестве топлива и называются койпо. Деревенская девушка из Олдерни не имеет никаких шансов заполучить мужа, если она не является хорошей заправилкой в этом деле; но особый талант молодой леди внушил Летьерри только отвращение. Кроме того, в своих любовных делах он придерживался своего рода грубой деревенской философии, своего рода Матросской привычки ума. Всегда сражённый, но никогда не поработенный, он хвастался, что в юности его легко завоевала нижняя юбка или, скорее, котильон; ибо то, что сейчас называют кринолином, в его время называлось котильоном; термин, который в его употреблении означает и нечто большее, и нечто меньшее. что-то меньшее, чем жена. Эти грубые мореплаватели нормандского архипелага обладают определённой долей проницательности. Почти все умеют

читать и писать. По воскресеньям в тех краях можно увидеть маленьких юнг, которые сидят на верёвках, как обезьянки, и читают с книгой в руках. С незапамятных времен эти Нормандские моряки обладали своеобразной сатирической жилкой и славились остроумными высказываниями. Именно один из этих людей, смелый пилот Керипель, сказал Монтгомери, когда искал убежища в Джерси после несчастного случая при убийстве Генриха II на турнире, одним ударом копья “*Tête folle a casque tête vide*...”, Другой, Тузо, морской капитан Сент-Брелада, был автором этого философского каламбура, ошибочно приписываемого Камю:

«После смерти, папы становятся папильонами, а Сиры становятся циронами».

III

Моряки Ла-Манша — настоящие древние галлы. Острова, которые в наши дни быстро становятся все более английскими, на протяжении многих веков сохраняли свой старофранцузский колорит. Крестьяне на Сарке говорят на языке Людовика XIV. Сорок лет назад старый классический морской язык можно было услышать из уст моряков Джерси и Ориньи. Находясь среди них, можно было представить себя перенесенным в морскую жизнь семнадцатого века. Из этой говорящей трубы, наводившей ужас на адмирала Хидде, филолог мог бы узнать о древних тонкостях маневрирования и отдачи приказов на море, в тех самых словах, которые Жан Барт выкрикивал своим матросам. Старофранцузский морской словарь в настоящее время почти полностью изменился, но всё ещё использовался на Джерси в 1820 году. Корабль, который хорошо плавал, назывался «бон булинь»; тот, который, несмотря на свои фок-мачты и руль, держал курс на веслах, был «невезучим»; идти полным ходом — «быть на плаву»; оставаться в шторме — «мысовиком»; быстроходный такелаж — «бездействующим»; идти с наветренной стороны — *faire chapelle*; держать канат натянутым — *faire teste*; быть без дифферента — *être en pantenne*; держать паруса полными — *porter plain*.

Эти выражения вышли из употребления. Сегодня мы говорим «лувуайер», чтобы держать курс на ветер; «навигатор», чтобы идти под парусом, они сказали «навигатор»; «вирер вент девант», чтобы лавировать, «доннер вент девант»; «аллер де л'авант», чтобы двигаться вперед, «хвостовик де л'авант»; «тирес д'аккорд», «тащить вместе». для снятия с якоря; для снятия с якоря; для балансира, форштенья, грот-мачты и т. д. — валансин; для триборда, правого борта — стриборд; для вахтенных левого борта — басбурди. Турвиль написал Окенкуру: «Мы оба плывем в одиночестве», «в одиночестве». Вместо «ла-рафаль» — «шквал», «ле-раффал»; вместо «боссуар» — «кошачья голова», «буссуар»; вместо «дросс» — «ферма», «друсс»; вместо «лоффер» — «лаффить», «фэйр ун олофе»; вместо «удлинитель» — «лежать бок о бок», «вдоль»; вместо «форте бриз» — «сильный бриз», «переживать»; вместо от *jouail* — запас якоря, *jas*; вместо *soute* — кладовая, *fosse*.

Таким в начале этого столетия был морской диалект Нормандских островов. Анго был бы поражен, если бы услышал речь лоцмана с Джерси. В то время как в других местах паруса были натянуты (дрожали), на этих островах они были натянуты. Соте-де-вент, внезапная смена ветра, была неизбежностью. Использовались только старые методы швартовки, известные как «ла вальтюр» и «ла португез», а также такие команды, как «жур-и-чак»! и боссе и вилте! может быть, его все еще услышат. В то время как моряк из Грэнвилла уже использовал слово «клан» для обозначения шкива, один из Св. Обен или Сент-Луис. Сэмпсон по-прежнему придерживался своего канала Пулио. То, что в Сен-Мало называлось бут-д'Алонж (верхний Фулток), в Сент-Хелиере называлось Орей-д'Ан. Месс Летьеры, как и герцог де Вибонн, называл отвесность палуб «тонтурой», а стамеску конопатчика «патарассом».

Именно с этим грубым морским наречием в устах Дюкен победил де Рюйтера, Дугай Труэн победил Васнера, а Турвиль в 1681 году дал бортовой залп по первой галере, обстрелявшей Алжир. Сейчас это мёртвый язык. Морские наречия совсем другие. Дюперре не смог бы

понять Сюффрена. Язык французских военно-морских сигналов претерпел не меньшие изменения; существует большая разница между четырьмя выпелами — красным, белым, желтым и синим — Лабурдоннэ и восемнадцатью современными флагами, которые, будучи поднятыми дважды по два, трижды по три или четырежды по четыре, служат для дистанционной связи, давая шестьдесят шесть тысяч комбинаций, которые никогда не бывают излишними и, так сказать, позволяют предвидеть непредвиденное.

IV

Сердце и рука мессира Летьерри всегда были наготове — у него было большое сердце и большая рука. Его недостатком была чрезмерная самоуверенность. У него была своя особая манера браться за дело. Это была торжественная манера. Он говорил: «Я даю честное слово, что сделаю это с Божьей помощью».

Тем не менее, он всегда выполнял свой долг. Он доверял Богу и не более того. Его редкое посещение церкви было чисто формальным. В море же он был суверен.

Тем не менее, ещё ни разу не было шторма, который мог бы его напугать. Одной из причин этого было его жажда борьбы. Он не мог вынести ни океана, ни чего-либо другого. Он всегда хотел настоять на своём; если морю это не нравится, тем хуже для моря, если оно ему мешает. Оно могло бы попытаться, если бы захотело, но Месс Летьерри не сдавался. Непокорная волна могла остановить его не больше, чем рассерженный сосед. Что он сказал, то было сделано; то, что он планировал, было выполнено. Он не склонялся ни перед возражениями, ни перед бурей. Для него не существовало слова «нет», будь то в устах человека или в гневном ворчании грозовой тучи. Несмотря ни на что, он продолжал идти своим путем. Он не терпел отказов. Отсюда его упрямство в жизни и бесстрашие в океане. Он сам заправлял своё ежедневное простое блюдо — рыбный суп, зная необходимое количество перца, соли и трав, и всегда оставался доволен как приготовлением, так и самим блюдом. Чтобы завершить очерк особенностей Летьерри, читатель должен представить себе существо, для которого надевание сюртука было равносильно преображению; подобно тому, как шинель землевладельца превращала его в диковинного зверя; того, кто, стоя с развевающимися на ветру локонами, мог бы олицетворять старого Жана Барта, но который в круглой шляпе землевладельца выглядел бы идиотом; неуклюжий в городах, необузданный и грозный на море; широкоплечий мужчина, годящийся в носильщики; тот, кто не позволял себе ругательств, редко бывал в гневе, у кого был мягкий акцент, похожий на раскаты громкой трубы; крестьянин, который что-то прочитал, приверженец философии Дидро и Д'Аламбера; житель Гернси, видевший великую революцию; ученый невежда, свободный от фанатизма, но предающийся видениям и больше верящий в Белую Леди, чем в Святую Деву; обладающий силой Полифема, упорством Колумба, в его натуре было немного от быка и немного от ребёнка. Добавьте к этим физическим и умственным особенностям несколько приплюснутый нос, крупные щеки, все еще безупречный ряд зубов, изборожденное морщинами лицо, которое, сорокалетней давности, казалось, побывало под ударами волн и ветров, лоб, на котором явно читались следы бури, и всё это вместе взятое было описанием скалы в открытом море. Добавьте к этому добродушную улыбку, которая всегда озаряла его обветренное лицо, и перед вами Месс Летьерри. У месса Летьерри было только два объекта особой привязанности. Их звали Дюранд и Дерюшетт.

Книга III «ДЮРАНДА» И ДЕРЮШЕТТА

I

Человеческое тело вполне можно рассматривать как простой симулякр, но оно скрывает нашу реальность, затемняет наш свет и расширяет тень, в которой мы живем. Душа — это реальность нашего существования. Строго говоря, человеческий облик — это маска. Истинный человек — это тот, кто существует под маской того, что называется человеком. Если бы можно было приблизиться к этому существу, которое существует под прикрытием внешней иллюзии, которую мы называем плотью, было бы сделано не одно странное открытие. Вульгарная ошибка состоит в том, чтобы принять внешнюю оболочку за живой дух. Вон та девушка, например, если бы мы могли увидеть её такой, какая она есть на самом деле, не могла бы она принять облик какой-нибудь небесной птицы?

Птица, превратившаяся в юную девушку, — что может быть прекраснее? Представьте её у себя дома и назовите «Дрюшетка». Восхитительное создание! Так и хочется сказать: «Доброе утро, мадемуазель Щеголиха». Крылья невидимы, но щебетание всё равно можно услышать. Иногда она поёт чистую, громкую песню. В своём детском лепете это существо, возможно, и уступает другим, но в своей песне оно настолько превосходит человечество, что просто диву даёшься! Когда наступает пора женственности, этот ангел улетает, но иногда возвращается, возвращая малышку матери. Между тем, та, кому в один прекрасный день предстоит стать матерью, ещё долго остаётся ребёнком; девочка становится девственницей, свежей и радостной, как жаворонок. Наблюдая за её движениями, мы чувствуем, как хорошо, что она не улетела. Милая знакомая спутница перемещается по дому по своей собственной воле; порхает с ветки на ветку или, скорее, из комнаты в комнату; ходит взад и вперёд; приближается и удаляется; расправляет крылья или, скорее, расчесывает волосы и издает всевозможные нежные звуки — бормотание, выражающее невыразимый восторг для некоторых ушей. Она задает вопрос, и ей отвечают; её спрашивают о чем-то в ответ, и она щебечет в ответ.

С ней приятно поболтать, когда устаешь от серьёзных разговоров, потому что в этом создании есть что-то от ее небесной стихии. Она — как бы золотая нить, вплетённая в твои мрачные мысли; ты чувствуешь себя почти благодарным ей за то, что она по доброте своей не стала невидимой, когда ей было бы так легко стать даже неосязаемой; ибо прекрасное необходимо в жизни. В этом мире нет более важной функции, чем быть очаровательной. Лесная поляна была бы неполной без колибри. Дарить радость окружающим, излучать счастье, проливать свет на мрачные дни, быть золотой нитью нашей судьбы и самим духом благодати и гармонии — разве это не служение? Разве красота не приносит нам пользы даже тем простым фактом, что мы красивы? То тут, то там мы встречаем тех, кто обладает волшебной силой очаровывать всё вокруг себя; иногда она сама не осознает этого магического влияния, которое, однако, по этой причине становится только более действенным. Её присутствие озаряет дом; её приближение подобно радостному теплу; она проходит мимо, и мы довольны; она остаётся на некоторое время, и мы счастливы. Видеть её — значит жить: она — Полярное Сияние с человеческим лицом. Ей не нужно делать ничего большего, кроме как просто быть: она превращает свой дом в Эдем; от неё веет Раем; и она заражает этим наслаждением всем, не испытывая при этом никаких проблем, кроме как существовать рядом с ними. Разве это не божественно — заслужить улыбку, которая, неизвестно каким образом, способна облегчить тяжесть той огромной цепи, которую все живые люди, как единое целое, тащат за собой? Дерюшетт обладала такой улыбкой: мы можем даже сказать, что этой улыбкой была сама Дерюшетта.

Есть одна вещь, которая больше похожа на нас самих, чем даже наше лицо, — это выражение нашего лица. Но есть ещё одна вещь, которая больше похожа на нас, чем это, и это наша улыбка. Улыбка Дерюшетт была просто божественной улыбкой. Есть что-то особенно привлекательное в беге на Джерси и Гернси. Женщины, особенно молодые, отличаются чистой и изысканной красотой. В их цвете лица сочетаются саксонская белизна и вошедший в поговорку норманнский румянец — розовые щёки и голубые глаза; но глазам не хватает блеска. Английское воспитание притупляет их. Их влажные взгляды станут неотразимыми, как только будет найден секрет придания им той глубины, которая составляет славу парижанок. К счастью, англичанки еще не совсем превратились в парижанок. Дерюшетт не была парижанкой; и все же она определенно не была гернесийкой. Летьерри воспитал ее аккуратной, утонченной и хорошенькой; такой она и была. Временами у Дерюшетты появлялся чарующий вид, а в глазах проскакивало сумасшедшее озорство, впрочем, совершенно произвольное. Возможно, она едва ли понимала значение слова «любовь», но всё же, руководствуясь древним инстинктом, невольно заманивала в свои сети окружающих. Но все это в ней было невинно. Она никогда не думала о замужестве.

У Дерюшетты были самые красивые маленькие ручки в мире и такие же маленькие ножки. Во всем её облике царили нежность и доброта; её семьей и состоянием был её дядя Месс Летьерри; её занятием была только досуг; её достижениями было знание нескольких песенок; её интеллектуальные способности проявлялись в её простой невинности; она обладала грациозным спокойствием вест-индской женщины, временами к нему примешивались легкомыслие и живость, дразнящая игривость ребёнка, но в то же время и нотка меланхолии ей была не чужда. Её платье было несколько простоватым и, как это свойственно её стране, одновременно элегантным, хотя и не соответствовало моде больших городов, потому что она носила цветы в своей шляпке круглый год. Добавьте ко всему этому открытый лоб, гибкую и изящную шею, каштановые волосы, светлую кожу, слегка покрытую веснушками от пребывания на Солнце, рот, несколько крупный, но чётко очерченный, на котором время от времени появляется опасная улыбка. Такой была Дерюшетт.

Иногда вечером, вскоре после захода Солнца, в тот момент, когда сумерки неба сливаются с сумерками моря, а сумерки окутывают волны таинственным трепетом, люди, входя в гавань Святого Сампсона, видели на тёмных волнах странное, неопределённое явление. чудовищную фигуру, которая пытела и выдувала воздух; ужасная машина, ревевшая, как дикий зверь, и дымившая, как вулкан; нечто вроде гидры, пенящейся среди волн и оставляющей за собой плотное облако, когда оно несло к городу, страшно хлопая плавниками и изрыгая из горла четвертое пламя. Это был пароход «Дюранд».

II

В 1822 году пароход был поразительной новинкой в водах Ла-Манша. Долгое время всё побережье Нормандии пребывало в диком восторге от него. В наши дни десять или дюжина паровых судов, пересекающих линию горизонта, едва ли привлекут внимание празднующих на берегу. Самое большее, некоторые люди, в чьи интересы или по роду занятий входит обращать внимание на такие вещи, заметят в пароходном дыму признаки того, используется ли валлийский или ньюкаслский уголь. Пароходы проходят мимо, и это всё.

«Добро пожаловать», если возвращаешься домой; и «приятного путешествия», если отправляешься за границу. В первой четверти нынешнего столетия люди не притерпелись к этим замечательным изобретениям, а жители Нормандских островов без особой симпатии относились к новым и странным машинам и их длинным клубам дыма. В этом пуританском архипелаге, где английская королева подверглась порицанию за нарушение Священного Писания, за использование хлороформа во время своих обрядов, первое появившееся паровое

судно получило название «Лодка Дьявола». В глазах этих достойных рыбаков, когда-то католиков, а ныне кальвинистов, но, как всегда, фанатикам представлялось, что это механика, упавшая из ада, и теперь каким-то фантастическим образом удерживается на плаву. Местный проповедник выбрал для своей речи вопрос о том, «Имеет ли человек право заставлять огонь и воду действовать сообща, когда Бог разделил их. Разве этот зверь, состоящий из железа и огня, не был похож на Левиафана? Не было ли это попыткой снова привнести хаос во Вселенную?»

Это не единственный случай, когда прогресс цивилизации был заклеимён как возвращение к хаосу.

«Безумная идея, грубое заблуждение, абсурд!» Таков был вердикт Академии наук, когда в начале нынешнего столетия Наполеон обратился к ней за консультацией по поводу пароходов. Бедных рыбаков Сент-Сампсона можно извинить за то, что они в научных вопросах ничуть не мудрее парижских математиков; а в вопросах религии такой маленький остров, как Гернси, не обязан оказаться более просвещённым, чем такой огромный континент, как Америка.

В 1807 году, когда первый фултонский пароход под командованием Ливингстона, оснащённый одним из двигателей Уатта, присланный из Англии, и управляемый, помимо своей обычной команды, только двумя французами, Андре Мишо и ещё одним, совершил свое первое плавание из Нью-Йорка в Олбани, случилось так, что он отплыл 17 августа. Методисты обратили внимание на этот важный факт, и в бесчисленных церквях было слышно, как проповедники проклинают машину и заявляют, что это число 17 — не что иное, как сумма десяти рогов и семи голов зверя Апокалипсиса. В Америке они призывали против пароходов зверя из книги Откровения, в Европе — рептилию из книги Бытия. В этом и заключалась единственная и очень простая разница между двумя подходами.

Итак, учёные отвергли идею парохода как невозможную; священники предали пароходы анафеме, как нечестивых уродов. Наука осудила их, а религия приговорила к вечной гибели. Фултон был новым воплощением Люцифера. Простые люди на побережье и в деревнях укрепились в своих предрассудках из-за беспокойства, которое они испытывали при виде диковинного зрелища. Религиозный взгляд на пароходы можно резюмировать следующим образом: Вода и Огонь были разведены при сотворении Мира. Этот развод был предписан самим Богом. Человек не имеет права соединять то, что разделил его Создатель; воссоединять то, что он разъединил. Мнение крестьян было простым: «Мне не нравится, как это выглядит». Пожалуй, в тот ранний период не нашлось бы никого, кроме Месса Летьерри, достаточно смелого, чтобы мечтать о таком предприятии, как постройка парового судна, курсирующего между Гернси и Сен-Мало. Он один, как независимый мыслитель, был способен выдвинуть такую идею или, как опытный моряк, осуществить её. Вероятно, французская часть его натуры породила эту идею; английская приправа придала энергии для её воплощения. Как и когда это произошло, мы собираемся сообщить читателю.

III

Примерно за сорок лет до того, с чего начинается наше повествование, в пригороде Парижа, недалеко от городской стены, между Фоссе-о-Лу и Томб-Иссуар, стоял дом с сомнительной репутацией. Это было одинокое, полуразрушенное здание, очевидно, служившее при случае местом для совершения разных тёмных делишек. Здесь жил со своей женой и ребёнком городской разбойник, человек, который был клерком у адвоката, практиковавшего в Шатле, — несколько позже он стал фигурировать в Суде присяжных; фамилия этой семьи была Рантен. На комодe красного дерева в старом доме стояли две фарфоровые чашки, украшенные цветами, на одной из которых золотыми буквами было написано: «На память о дружбе», на другой — «В знак уважения». В этом убогом доме ребёнок жил в атмосфере порока. Поскольку

отец и мать принадлежали к низшим слоям среднего класса, мальчик научился читать, и они воспитывали его соответствующим образом.

Мать, бледная и одетая почти в лохмотья, механически давала «наставления», как она это называла, малышке, и было слышно, как она произносит по буквам несколько слов, и прерывала урок, чтобы сопровождать своего мужа в какой-нибудь преступной вылазке или зарабатывать проституцией. Между тем книга оставалась открытой на столе, как она её и оставила, а мальчик сидел рядом с ней, по-своему размышляя. Отец и мать, обнаруженные однажды на одном из своих преступных предприятий, внезапно растворились в той неизвестности, в которой уголовное законодательство окутывает и упаковывает осужденных преступников. Ребёнок тоже исчез. Летьерри, скитаясь по свету, однажды наткнулся на такого же авантюриста, как и он сам; выручил его из какой-то передраги; оказал ему любезную услугу и, по-видимому, был вознагражден благодарностью. Незнакомец ему понравился, он подобрал его и привёз на Гернси, где, убедившись, что тот способен освоить обязанности моряка на борту каботажного судна, взял его в компаньоны. Этим незнакомцем был маленький Рантейн, который теперь стал взрослым. У Рантейна, как и у Летьерри, была бычья шея, широкие плечи, пригодные для ношения тяжестей, и поясница, как у фарнезского Геркулеса.

У них с Летьерри было поразительное внешнее сходство: однако Рантейн был выше ростом. Люди, которые видели их сзади, когда они шли бок о бок вдоль порта, восклицали: «Да это два брата». Когда они смотрели им в лицо, впечатление было иным: все, что было открытым в лице Летьерри, было сдержанным и осторожным в лице Рантейна. Рантейн был искусным фехтовальщиком, играл на губной гармошке, мог сбить свечу пистолетной пулей с двадцати шагов, мог нанести сокрушительный удар кулаком, декламировать стихи из «Генриады» Вольтера и толковать сны; он знал наизусть про Гробницы Сен-Дени, автора Тренея. Иногда он говорил о том, что у него были отношения с султаном Калькуты, «которого португальцы называют Заморином». Если бы кто-нибудь увидел маленькую записную книжку, которую он всегда носил с собой, то нашел бы записи такого рода: «В Лионе, в трещине стены одной из камер тюрьмы Святого Иосифа, папка». Он всегда говорил с серьезным видом; он называл себя сыном шевалье де Сен-Луи. Его бельё было самого разного покроя и помечено разными инициалами. Никто и никогда не был так щепетилен в вопросах чести, как он; однажды он сражался на дуэли и убил своего противника. Мать хорошенькой актрисы не могла бы более зорко следить за оскорблениями. Он мог бы стать олицетворением утонченности, скрывающейся под маской огромной силы. Это была сила его кулака, примененного однажды на ярмарке любовницы де Моро, которая изначально приглянулась Летьерри. Никто на Гернси ничего не знал о его приключениях. Они были разнообразными.

Если бы в великом театре судьбы был специальный гардероб, Рантену следовало бы первым делом надеть костюм арлекина. Он пожил и повидал мир. Он перебрал множество возможных профессий и качеств: был поваром на Мадагаскаре, дрессировщиком птиц в Гонолулу, религиозным журналистом на Галапагосских островах, поэтом в Умравутти, свободным человеком на Гаити. В этом последнем образе он произнёс в Гранд-Гоаве надгробную речь, фрагмент которой сохранился в местных газетах: «Прощай, благородный дух. На лазурном своде небес, куда ты сейчас направляешь свой полет, ты, без сомнения, встретишься с добрым аббатом Леандром Крамо из Литтл-Гоава. Скажи ему, что благодаря десяти годам славных усилий ты завершил строительство церкви Анса-а-Во. Прощай! Прощай, выдающийся гений, образцовый каменщик!»

Его масонская маска не помешала ему, как мы видим, носить немного римско-католической прикид. Первый привлѣк на свою сторону сторонников прогресса, а второй — сторонников порядка и стабильности. Он объявил себя белым чистой воды и ненавидел негров, хотя, несмотря на всё это, он, несомненно, был поклонником императора Сулука. В 1815 году в Бордо вспышка его роялистского энтузиазма проявилась в виде огромного белого пера на его

шляпе. Его жизнь была чередой затмений — появлений, исчезновений и перерождений в столе древних индийских магов и фокусников. Он был чем-то вроде вращающегося маяка на берегах скампдома. Он немного знал турецкий: вместо «гильотинирован» говорил «небуазе». Он был рабом в Триполи, в доме талеба, и выучил турецкий язык при помощи железной палки надсмотрщика. Его работа заключалась в том, что по вечерам он стоял у дверей мечети и читал верующим вслух Коран, написанный на деревянных дощечках или кусках верблюжьей кожи. Не исключено, что он был отступником. Он был способен на всё и даже на кое-что похуже.

У него была привычка громко смеяться и в то же время хмурить брови. Он знал, что этим трюком он ставит в тупик любого. Он часто говорил: «В политике я уважаю только людей, недоступных влиянию», или «Я за порядочность и хорошую мораль», или «Пирамиду нужно восстановить на её основании». Его манеры были скорее весёлыми и сердечными, чем угрюмыми или скучными. Движение его губ всегда противоречило смыслу его слов. Ноздри у него были как-то странно раздуты. В уголках глаз у него была небольшая сеть морщинок, в которых, казалось, собирались все тёмные мысли мира. Только здесь можно было досконально изучить тайну его физиономии. Его плоская ступня напоминала коготь стервятника. Его череп был низким в верхней части и широк на висках. Его уродливое ухо, заросшее волосами, казалось, говорило: «Остерегайся в этой пещере разговаривать и заигрывать с животным».

В один прекрасный день Рантейн внезапно пропал с Гернси. Партнёр Летьерри скрылся, оставив казну торгового товарищества пустой. В этой казне, несомненно, было немного денег Рантейна, но были также пятьдесят тысяч франков, принадлежавших Летьерри. За сорок лет усердной и добросовестной работы плотником на каботажном судне Летьери скопил сто тысяч франков. Рантен украл у него половину. Наполовину разорённый, Летьери не пал духом, а сразу же начал думать, как исправить свое несчастье. Мужественный человек может потерпеть крах в богатстве, но не в духе. Как раз в это время люди начали поговаривать о новом типе судов, приводимых в движение паровыми двигателями. У Летьери возникла идея опробовать изобретение Фултона, о котором так много спорили, и с помощью одной из таких брандеров соединить Нормандские острова с побережьем Франции. Он вложил в эту идею всё, что у него было; он потратил на это все свои сбережения. Таким образом, через шесть месяцев после бегства Рантена изумлённые жители Сент-Луиса были шокированы. Сэмпсон увидел, как из порта выходит судно, извергающее огромные клубы дыма, похожее на корабль, охваченный пожаром в море. Это было первое паровое судно, прошедшее Ла-Манш. Это судно, которому люди из-за своей нелюбви и презрения к новизне сразу же дали прозвище «Галера Летьерри». Тут же было объявлено расписание для поддержания постоянного сообщения между Гернси и Сен-Мало.

IV

Нетрудно догадаться, что поначалу новое предприятие не слишком процветало. Владельцы катеров, курсирующих между островом Гернси и побережьем Франции, громко возмущались. Они осудили это посягательство на Священное Писание и их монополию. Церкви тоже подключились к общему лаю и начали метать ектины. Один преподобный джентльмен по имени Элиаху заклеил новое паровое судно как «атеистическую конфузию», а парусник был объявлен единственным православным судном. Люди видели рога дьявола среди зверей, которых огнедышащий корабль возил взад и вперёд. Эта буря протеста продолжалась довольно долго. В конце концов, однако, стало ясно, что эти животные прибывали менее уставшими и продавались лучше, так что их мясо было превосходнее; что пассажиры подвергались меньшему риску на море; что этот способ передвижения был менее затратным, более коротким и надёжным; что они отправлялись в путь и в назначенное время прибывали на место, что партии рыбы, доставляемые быстрее, чем раньше, оказываются на рынке более свежими, и что

теперь на французских рынках можно найти в продаже излишки крупной рыбы, столь распространенной на Гернси.

Масло, полученное от знаменитых гернсейских коров, делало плавание на «Дьявольской Лодке» более быстрым, чем на старых парусных судах, и при этом ничуть не теряло своего хорошего качества, так что Динан в Бретани, а также Сен-Брие и Ренн стали его покупать. Короче говоря, благодаря тому, что они называли «Галерой Летьерри», люди теперь наслаждались безопасными путешествиями, регулярным общением, быстрыми и лёгкими переездами туда и обратно, увеличением оборота, расширением рынков и коммерции, и, наконец, стало почитаться необходимым покровительствовать этому «Дьяволу». Это была Дьявольская Посуцдина», которая противоречила Священному Писанию и принесла богатство на остров. Некоторые смельчаки даже заходили так далеко, что выражали по этому поводу своё удовлетворение. Сьер Ландуа, регистратор, наконец дал свое одобрение судну — несомненный признак беспристрастности с его стороны, поскольку ему совершенно не нравился Летьерри. Ведь, во-первых, Летьерри имел право на титул «Месс», в то время как Ландойс был просто «сьер Ландойс».

Тогда, хотя Ландойс и был регистратором в Сент-Питер-Порте, он был прихожанином Сент-Сэмпсона. Так вот, во всем приходе, кроме них, не было ни одного человека, свободного от предрассудков. Поэтому казалось, что этого недостаточно, чтобы позволить себе испытывать неприязнь друг к другу. Пословица гласит, что люди одной профессии редко сходятся во мнениях. Однако у сьера Ландоа хватило честности поддержать «пароход». За Ландоем последовали другие. Мало-помалу эти факты множились. Волна общественного мнения подобен приливу. Время, а также постоянный и растущий успех предприятия, свидетельствующий о реальной оказанной услуге и улучшении общего благосостояния, постепенно обратили людей в новую веру; и наконец настал день, когда все, за исключением нескольких мудрецов, наперекор восхищались «Галерой Летьерри».

В наши дни она, вероятно, вызвал бы меньше восхищения. Этот пароход, построенный сорок лет назад, несомненно, вызвал бы улыбку у наших современных судостроителей, поскольку это чудо имело неправильную форму; было неуклюжим и немощным. Расстояние между современными большими атлантическими паровыми судами и лодками с колёснo-весельными механизмами, на которых Дени Папен плавал по Фульде в 1707 году, не больше, чем между трёхпалубными судами, такими как «Монтебелло», длиной 200 футов, с грот-реем 115 футов и грузоподъемностью 100 тонн. 3000 тонн, 1100 человек, 120 орудий, 10 000 пушечных ядер и 160 упаковок канистр, извергающих при каждом бортовом залпе в бою 3300 фунтов железа и развевающихся по ветру при движении 5600 квадратных метров парусины, и старая датская галера II века., обнаруженная и полная каменных топориков, луков и дубинок, они валялись в грязи на морском берегу в Вестер-Сатрупе и потом перекочевали и хранились в отеле «Де Вилль» во Фленсбурге.

Ровно сто лет — с 1707 по 1807 год — отделяют первую вёсельную лодку Папена от первого парохода Фултона. «Камбуз Летьерри», несомненно, был большим шагом вперед по сравнению с этими двумя черновыми набросками, но сам по себе это был всего лишь набросок. Несмотря на всё это, это был шедевр в своем роде. Каждое научное открытие в зародыше представляет собой этот двойной аспект — чудовище в зародыше и чудо в итоге. В «ЛОДКЕ ДЬЯВОЛА»

На «Галере Летьерри» не было мачт для обеспечения плавучести; этот факт не являлся недостатком, это действительно один из законов кораблестроения. Кроме того, движущей силой судна был пар, и паруса были лишь дополнением, вероятно, на случай выхода из строя котла. Кроме того, колёсный пароход почти не чувствителен к парусам. Новое паровое судно было слишком коротким, круглобким и коренастым. У него была слишком большая носовая часть и невероятная ширина корпуса. Смелость изобретателей ещё не дошла до того, чтобы

сделать паровое судно лёгким; лодка Летьерри обладала некоторыми недостатками голландского шлюпа Жильята. Она разгонялась очень слабо, но хорошо и ровно шла по курсу. Её боксы для гребли были слишком высокими. Для её длины у нее была слишком большая перекаладина. Массивное оборудование загромождало судно, и, чтобы оно могло перевозить тяжелые грузы, его конструкторы подняли фальшборты на необычную высоту, придав судну дефекты старых семидесятичетырехместных лодок, некачественной модели, которую приходилось урезать, чтобы сделать по-настоящему мореходной, или годной для участия в боевых действиях.

Из — за небольшого размера она должна была быстро поворачивать — время, затрачиваемое на маневр такого рода, пропорционально длине судна, — но её вес лишил её преимущества в виде небольшого роста. Его мидель-шпангоут был слишком широк, что замедляло ход; сопротивление моря было пропорционально наибольшему сечению ниже ватерлинии и квадрату скорости. Нос судна был вертикальным, что в наши дни не считалось бы недостатком, но в то время эта часть конструкции неизменно была наклонена под углом в сорок пять градусов. Все изогнутые линии корпуса хорошо сочетались друг с другом, но его длины было недостаточно для наклонного плавания или для того, чтобы он лежал параллельно вытесненной воде, которую всегда следовало отбрасывать вбок. В плохую погоду она набирала слишком много воды, иногда в нос, иногда в корму, что свидетельствовало о неправильном расположении центра тяжести. Из-за веса двигателя груз смещался, так что центр тяжести часто оказывался за кормой грот-мачты, и тогда приходилось прибегать к помощи пара, поскольку в такие моменты грот-парус приходилось сворачивать, так как это только приводило к перекосу судна.

Если судно находилось близко к ветру, требовалось очень осторожное маневрирование. В качестве руля использовался старомодный поперечный руль, а не колёсный, как в наше время. К шлюпбалкам были подвешены два ялика, эдакий «тет-а-тет». На судне было четыре якоря: шкотный, второй, или рабочий, и два боковых. Эти четыре якоря, подвешенные на цепях, приводились в движение, в зависимости от обстоятельств, большим шпилем на корме или маленьким шпилем на носу. В то время насосный брашпиль еще не заменил старого ручного шпиля. Имея только два боковых якоря, один по правому борту, а другой по левому борту, судно не могло удобно двигаться при определённых ветрах, хотя в такие моменты оно могло помочь себе вторым якорем. Её буи были обычными и сконструированы таким образом, что выдерживали вес буксировочных канатов, не погружаясь в воду. Катер был удобного размера, пригодный для использования во всех случаях необходимости, и мог поднимать основной якорь. Новизна этого судна заключалась в том, что оно было снабжено цепями, что, однако, никоим образом не снижало подвижности бегучего такелажа или прочности стоячего. Мачты, реи и прочее, хотя и не отличались первоклассным качеством, были в полном порядке, а такелаж на верхушке мачты был не очень заметен. Рёбра были прочными, но грубыми, так как для работы на пару требовалось меньше дерева, чем для паруса.

Скорость судна составляла шесть узлов в час. В штиль всё шло хорошо. Если принять её такой, какой она была, то «Галера Летьерри» была хорошим морским судном, но люди чувствовали, что в моменты опасности, связанной с рифами или водяными смерчами, ею будет трудно управлять. К несчастью, из-за своего телосложения она раскачивалась на волнах с постоянным скрипом, похожим на скрип новой обуви. Это было, прежде всего, торговое судно, и, как и все корабли, построенные скорее для торговли, чем для военных действий, оно было построено исключительно с расчётом на перевозку пассажиров. На нем было мало пассажиров. Перевозка скота затрудняла погрузку других грузов и была весьма своеобразной. В то время суда перевозили волов в трюме, что усложняло задачу. В настоящее время они размещены на передней палубе. Вёсла на «Дьявольской Лодке» Летьерри были выкрашены в белый цвет, корпус, вплоть до ватерлинии, — в красный, а всё остальное судно — в чёрный, в соответствии с несколько уродливой модой этого столетия. Порожнее судно набирало семь футов воды, а с грузом — четырнадцать.

Что касается двигателя, то он обладал значительной мощностью. Если говорить точно, то его мощность равнялась мощности одной лошади на каждые три тонны груза, что почти равно мощности буксира. Лопасти были расположены удобно, немного впереди центра тяжести судна. Максимальное давление в двигателе составляло две атмосферы. Он потреблял много угля, хотя и был сконструирован по принципу конденсации и расширения. У него не было маховика из-за неустойчивости точки опоры, но тогда, как и сейчас, это компенсировалось двумя кривошипами на концах вращающегося вала, расположенными таким образом, что один всегда находился под прямым углом, в то время как другой находился в мертвой точке. Всё это покоилось на одном листе чугуна, так что даже в случае каких-либо серьезных повреждений никакие удары волн не могли нарушить его равновесия, и даже если корпус был повреждён, двигатель оставался целым. Для придания ещё большей прочности механизму шатун был установлен рядом с паровыми цилиндрами, так что центр колебаний рабочей балки был перенесён из середины в конец. С тех пор были изобретены колебательные цилиндры, которые устранили необходимость в шатунах, но в те времена размещение шатуна рядом с цилиндром считалось триумфом инженерной мысли. Котёл состоял из секций и был оснащен насосом для подачи соленой воды. Колеса были очень большими, что уменьшало потерю мощности; дымовая труба была высокой, что увеличивало тягу. С другой стороны, из-за размера колес они были подвержены воздействию волн, а из-за высоты дымовой трубы — порывам ветра.

Деревянные гребные поплавки, железные скобы, выступы из чугуна — такими были колеса, которые, будучи хорошо сконструированными, могли, как это ни странно, в любой момент развалиться на части. Три поплавок всегда находились под водой. Скорость движения центральной части поплавков лишь на одну шестую превышала скорость самого судна; это был главный недостаток сатанинских колёс. Кроме того, кривошипы были слишком длинными, а золотниковый клапан вызывал слишком сильное трение при подаче пара в цилиндр. Для того времени двигатель казался и действительно был замечательным. Его сконструировали во Франции, на заводе в Берси. Месс Летьерри в общих чертах обрисовал его: инженер, который сконструировал его в соответствии со своей схемой, был уже мёртв, так что двигатель был уникальным и, вероятно, не подлежал замене. Конструктор был еще жив, но инженера больше не было. Двигатель обошёлся в сорок тысяч франков.

Летьерри собственноручно построил «Лодку Дьявола» на больших крытых стапелях рядом с первой башней между портами Святого Петра и Святого Сампсона. Он ездил в Бreme за деревом. Всё его мастерство корабельного мастера было потрачено на эту постройку; его изобретательность проявилась в досках, швы которых были прямыми и ровными и покрыты сарангусты, индийской мастикой, которая лучше смолы. Обшивка была хорошо обработана. Чтобы исправить округлость корпуса, Летьерри установил гик на бушприте, что позволило ему добавить к обычному фальшфейеру. В день спуска на воду он громко воскликнул: «Наконец-то я на плаву!»

Как читатель уже узнал, первые футы судно прошло успешно. То ли случайно, то ли намеренно, судно было спущено на воду 14 июля, в годовщину взятия Бастилии. В тот день, стоя на мостике между двумя весельными шлюпками, Летьерри посмотрел на море и воскликнул:

«Теперь твоя очередь! Парижане взяли Бастилию, теперь наука покоряет море».

Лодка Летьерри раз в неделю совершала рейс из Гернси в Сен-Мало. Она отправлялась в путь утром во вторник и возвращалась вечером в пятницу, как раз к открытию субботнего рынка. Это было более мощное судно, чем любой из самых больших каботажных шлюпов на всём архипелаге, и, поскольку его вместимость была пропорциональна его размерам, один из его рейсов равнялся четырём рейсам обычного судна того же типа; следовательно, они были очень прибыльными. Репутация судна зависит от его грузоподъемности, а Летьерри был замечательным грузоотправителем. Когда он больше не мог работать сам, он выучился на матроса. По истечении двух лет пароход приносил семьсот пятьдесят фунтов стерлингов в год, или восемь-

надцать тысяч франков. Фунт стерлингов на Гернси стоит всего двадцать четыре франка, в Англии — двадцать пять, а на Джерси — двадцать шесть. Эти различия не так незначительны, как кажутся: банки, во всяком случае, знают, как обратить их в свою пользу.

V

Компания «Дьявольская Лодка» процветала. Месс Летьерри начал с нетерпением ждать того времени, когда к нему будут обращаться «месье». На Гернси люди не становятся «месье» сразу. Между простым человеком и джентльменом существует огромная пропасть, которую ещё нужно преодолеть. Начнём с того, что у вас есть простое имя, скажем, «Питер»; второй шаг — «Сосед Питер»; третий — «Отец Питер»; четвертый — «Сьер Питер»; пятый — «Месс Питер»; и затем мы достигаем вершины в виде «Месье Питер». Таким образом, эта ступень, восходящая от земли, поднимается на ещё большую высоту. Все высшие классы Англии давно присоединились к ней и продолжают её. Вот различные ступени, становящиеся все более и более величественными. Над месье, или «мистером», стоит «эсквайр»; над оруженосцем — рыцарь; над рыцарем, всё ещё возвышаясь, мы видим баронета, шотландского лэрда, барона, виконта, графа (называемого графом во Франции и ярлом в Норвегии), маркиз, герцог,

Принц королевской крови и Король: так, постепенно, мы поднимаемся от простого народа к среднему классу, от среднего класса к баронетству, от баронетства к пэрству, от пэрства к королевской власти. Благодаря своей изобретательности, изобретению пара, двигателей и «Дьявольской Лодки» Месс Летьерри быстро стал важной персоной. При постройке своего судна он был вынужден занимать деньги. У него были долги в Бреме, у него были долги в Сен-Мало, но с каждым годом он уменьшал свои обязательства. Более того, он купил в кредит у самого входа в порт Сент-Сэмпсон красивый каменный дом, совершенно новый, расположенный между морем и садом. На углу этого дома было начертано название «Храбрецов». Его фасад составлял часть стены самого порта и был примечателен двойным рядом окон: на севере, рядом с небольшой оградой, усаженной цветами, и на юге, откуда открывался вид на океан. Таким образом, у него было два фасада: один был открыт буре и морю, а другой выходил в сад, полный роз. Эти два фасада, казалось, были созданы для двух разных обитателей дома — месса Летьерри и Дерюшетт. «Храбрецы» были популярны в Сент-Сампсоне, потому что месс Летьерри в конце концов стал популярным человеком. Эта популярность была обусловлена отчасти его добродушием, преданностью и мужеством, отчасти количеством спасённых им жизней, а также в значительной степени его финансовым успехом и тем фактом, что он удостоил Сент-Сампсона чести быть портом отправления и прибытия нового парохода. Обнаружив, что «Дьявольская Лодка» пользуется несомненным успехом, столица Сент-Питер пожелала приобрести её для этого порта, но Летьерри твердо держался Сент-Сампсона. Это был его родной город.

«Именно там меня впервые столкнули в воду», — говаривал он; отсюда истекла ещё большая популярность среди местных жителей. Его положение мелкого землевладельца, платящего земельный налог, сделало его, как говорят на Гернси, необитаемым. Его выбрали дузениром. Бедный моряк поднялся на пять из шести ступеней социальной лестницы Гернсея; он достиг звания «месс»; он быстро приближался к званию «месье»; и кто мог предсказать, не поднимется ли он еще выше? кто бы мог подумать, что в один прекрасный день они не найдут в альманахе Гернси, под заголовком «Знать и Джентри», удивительную и великолепную надпись: «Летьерри, эсквайр»? Но месс Летьерри по натуре был лишён тщеславия, или не осознавал этого, или, если и осознавал, то презирал его: сознание того, что он полезен, доставляло ему величайшее удовольствие; популярность волновала его меньше, чем необходимость в ней; у него было, как мы уже говорили, только две цели: Дюранда и Дерюшетт. Как бы то ни было,

он принял участие в морской лотерее и выиграл главный приз. Этим главным призом была «Дюранда», уплывающая вмир преуспевания во всей своей красе

VI

Создав свой пароход, Летьерри окрестил его: он назвал его «Durande» — «Ла Дюранда». Отныне мы не будем называть его никаким другим именем; мы также возьмём на себя смелость, несмотря на типографское употребление, не выделять курсивом это название Durande, что соответствует представлению о Месс Летьерри, в чьих глазах «Ла Дюранда» была почти живым человеком. Дюранда и Дерюшетт — это одно и то же имя. Дерюшетт — это уменьшительное от французского Durande. Это уменьшительное от французского Durande очень распространено во Франции. В этой стране имена святых содержат все эти уменьшительные значения, а также все их усилительные формы. Можно было бы предположить, что людей было несколько, когда на самом деле существовал только один человек. Такая система покровителей и патронесс под разными именами отнюдь не редкость. Лиз, Лизетт, Лайза, Элиза, Изабель, Лизбет, Бетси — все они просто Элизабет. Возможно, что Маху, Маклу, Мало и Маглуар — одна и та же святая, однако за это мы не ручаемся. Святая Дуранда — святая л'Ангумуа и Шаранты; является ли она православной по календарю — это вопрос для болландистов: православная она или нет, но она стала покровительницей многочисленных часовен. Именно тогда, когда Летьерри был молодым моряком в Рошфоре, он познакомился с этой святой, вероятно, в лице какой-нибудь хорошенькой чарантезки, возможно, в образе гризетки с белыми ногтями. Святая по-видимому достаточно хорошо запомнилась ему, чтобы он мог дать название двум вещам, которые любил больше всего: «Дюранда» — пароходу, и «Дерюшетта» — девушке. Одной из них он приходился отцом, другой — дядей. Дерюшетта была дочерью умершего брата: она была сиротой, он удочерил её и заменил ей и отца, и мать. Дерюшетта была не только его племянницей, она была его крестницей; он держал её на руках у купели при крещении; это он выбрал ей святого покровителя, Дюранду, и ее христианское имя — Дерюшетта. Дерюшетта, как мы уже говорили, родилась в Сент-Питерс-Порте. Её имя было внесено в приходскую книгу в тот же день. Пока племянница была ребёнком, а дядя беден, никто не обращал внимания на то, что её называли Дерюшетт; но когда маленькая девочка стала мисс, а моряк — джентльменом, имя Дерюшетта потрясло общество Гернси. Непривычность звучания поразила всех. Люди спросили месса Летьерри: «Почему именно Дерюшетт?»

Он ответил: «В своем роде это очень хорошее имя».

Было предпринято несколько попыток уговорить его сменить имя, данное при крещении, но он не согласился. Однажды одна знатная дама из высшего общества в Сент-Луисе. Сэмпсон, жена богатого, отошедшего от дел кузнеца, сказала мессу Летьерри: «В будущем я назову вашу дочь Нэнси».

«Если в моде названия провинциальных городов, — сказал он, — почему бы не назвать их Лон-ле-Сольнье?»

Прекрасная дама не уступила в своем мнении и на следующий день сказала: «Мы твердо решили, что это не будет прорехой я нашла для вашей дочери прекрасное имя — Марианна». «Действительно, очень красивое имя, — ответил месс Летьерри, — состоящее из двух слов, которые означают „муж“ и „осел“».

Он крепко держался за Дерюшетту. Было бы ошибкой делать вывод из каламбура Летьерри, что он не хотел видеть свою племянницу замужем. Он, конечно, хотел, чтобы она вышла замуж, но по-своему: он хотел, чтобы у неё был муж по душе, по любви, муж, который бы много работал и у жены которого было бы мало проблем. Ему нравились грубые руки у мужчин и нежные у женщин. Чтобы Дерюшетта не испортила свои красивые ручки, он всегда воспитывал её как юную леди; он нанял ей учителя музыки, купил пианино, обзавёлся неболь-

шой библиотекой и несколькими иголками и нитками в красивой корзиночке для рукоделия. Она и в самом деле чаще читала, чем вышивала; чаще играла, чем читала. Этого и хотел месс Летьерри. Он ждал от неё только обаяния. Он растил юную девушку, как цветок. Тот, кто изучал характер моряков, поймет это: грубые и суровые по натуре, они проявляют странную склонность к изяществу и деликатности. Чтобы воплотить в жизнь идею дяди, племянница должна была быть богатой; так действительно считал месс Летьерри. С этой целью в плавание отправился его пароход. Миссия Дюранда состояла в том, чтобы обеспечить Дерюшетт приданным.

VII

Дерюшетта занимала самую красивую комнату в «Храбрецах». В ней было два окна, она была обставлена различными предметами из мягкого красного дерева, стояла кровать с четырьмя занавесками, зелёными и белыми, и выходила окнами в сад, а за ним — на высокий холм, на котором возвышался замок Вейл. Дом Жильята, Бю-де-ла-Рю, находился по другую сторону этого холма. В этой комнате у Дерюшетт были свои музыкальные инструменты и пианино; она аккомпанировала себе на инструменте, исполняя мелодию, которую предпочитала, — меланхоличную шотландскую мелодию из «Бонни Данди». В этой мелодии чувствуется сам дух ночи, но её голос был полон свежести рассвета. Контраст был необычным и приятным; люди говорили: «Мисс Дерюшетт сидит за своим пианино». Прохожие у подножия холма иногда останавливались перед стеной сада храбрецов, чтобы послушать этот нежный голос и жалобную песню. Дерюшетта была воплощением радости, когда ходила взад и вперёд по дому. Она приносила с собой вечную весну. Она была красива, но скорее прелестна, чем красива, и все же скорее грациозна, чем очаровательна. Она напоминала старым добрым лощманам, друзьям месс Летьерри, ту принцессу из песни, про которую поют солдаты и матросы, и которая была так прекрасна: «Что случилось с этим полком».

Месс Летьерри любил говорить: «У неё шевелюра, как корабельный канат». С младенчества она отличалась удивительной красотой. Знатки подобных вещей испытывали серьёзные сомнения по поводу ее носа, но малышка, вероятно, решив быть хорошенькой, в конце концов удовлетворила их требованиям. Она выросла, не утратив красоты; её нос не стал ни слишком длинным, ни слишком коротким, а когда она выросла, критики признали её очаровательной. Она никогда не обращалась к своему дяде иначе, как «отец». Летьерри позволил ей немного поупражняться в садоводстве и даже в выполнении некоторых домашних обязанностей: она поливала свои грядки с розовыми мальвами, пурпурными наперстянками, многолетними флоксами и алыми травяными беннетами. Она хорошо использовала климат Гернси, столь благоприятный для цветов. Как и многие другие жители острова, она выращивала алоэ в открытом грунте, и, что еще труднее, ей удалось вырастить непальскую лапчатку.

Её маленький огород был обустроен с научной точки зрения, и она смогла вырастить на нем несколько видов редких овощей. Она посеяла голландскую цветную и брюссельскую капусту, которую проредила в июле, репу — в августе, эндивий — в сентябре, пастернак — осенью, а репчатый лук — на зиму. Месс Летьерри не вмешивался в это дело, если только она не слишком часто брала в руки лопату и грабли и не занималась более грубыми работами в саду. Он нанял для неё двух служанок, одну из которых звали Грейс, а другую — Дус, это любимые имена на Гернси. Грейс и Дус выполняли тяжёлую работу по дому и саду, и у них было исконное право иметь красные руки. Что касается месса Летьерри, то его комната представляла собой небольшое убежище с видом на гавань и сообщалась с большой нижней комнатой на первом этаже, в которой находилась дверь дома, возле которой сходились различные лестницы. В его комнате были гамак, хронометр и трубка, а также стол и стул. Потолок и все четыре стены были побелены. Прекрасная морская карта с надписью W. Фейдена, 5 на Чаринг-Кросс, географа

Его Величества, представляющего Нормандские острова, был прибит гвоздями сбоку от двери, а слева, расправленный и закреплённый другими гвоздями, был прикреплен один из тех больших хлопчатобумажных носовых платков, на которых цветными буквами напечатаны обозначения всех стран в мире, имеющий по четырем углам штандарты Франции, России, Испании и Соединенных Штатов, а в центре — английский флаг. В определённых пределах Доус и Грейс были двумя преданными друг другу созданиями. Доус была достаточно добродушна, а Грейс, вероятно, была хороша собой. Доус не была замужем, и у неё был тайный «кавалер».

На Нормандских островах это слово распространено, как, впрочем, и сам факт. У двух девушек, которых считали служанками, было что-то креольское в характере, какая-то медлительность в движениях, что вполне соответствовало нормандскому духу, пронизывающему отношения слуги и хозяина на Нормандских островах. Грейс, кокетливая и привлекательная, всегда смотрела в будущее с нервным беспокойством. Это объяснялось тем, что у неё, как и у Дусе, был не только «галантный кавалер», но и, как утверждала любительница скандалов, муж — моряк, возвращения которого в один прекрасный день она боялась. Однако это нас не касается. В менее строгом и невинном доме Дус осталась бы служанкой, а Грейс стала бы субреткой. Опасные таланты Грейс были упущены такой чистой и доброй молодой хозяйкой, как Дерюшетт. В остальном интриги Дус и Грейс тщательно скрывались. Месс Летьерри ничего не знал о подобных вещах, и ни один намёк на них никогда не доходил до Дерюшетты. Нижняя комната на первом этаже, зал с большим камином, окружённый скамьями и столами, в прошлом веке служил местом встреч французских беженцев-протестантов. Единственным украшением голой каменной стены был лист пергамента в рамке из чёрного дерева, на котором были изображены некоторые благотворительные деяния великого Боссюэ, епископа Мо. Несколько бедных прихожан епархии этого знаменитого оратора по прозвищу «Орёл», преследуемые им во время отмены Нантского Эдикта и вынужденные искать убежища на Гернси, повесили эту картину на стену, чтобы сохранить память об этих фактах. Зритель, у которого хватило терпения разобрать неровный почерк, написанный выцветшими чернилами, мог бы прочесть следующие малоизвестные факты: — «29 октября 1685 года епископ Мо обратился к королю с призывом разрушить храмы Морсеф и Нантей» — «2 апреля 1686 года, арест Кочара, отца и сына, за их религиозные убеждения по просьбе месье епископа Мо. Взяты: Кохары отреклись от своих слов». — «28 октября 1699 года месье епископ Мо отправил в Мде. Поншартрен протест, в котором указал, что молодых леди по фамилии Шаланд и де Невиль, исповедующих реформатскую религию, необходимо поместить в Дом „новых католиков“ в Париже». — «7 июля 1703 года приказ короля был выполнен по просьбе месье епископа Мо за то, что он упрятал в сумасшедший дом Бодуэна и его жену, двух плохих католиков из Фублейна.»

В конце коридора, рядом с дверью в комнату месса Летьерри, находился небольшой уголок с деревянной перегородкой, который когда-то был святилищем гугенота, а теперь, благодаря ряду перил и небольшому отверстию для просовывания бумаги или денег, превратился в парходную контору. точнее, кабинет Дюранда, который содержал лично мессир Летьерри. На старом дубовом письменном столе, где когда-то лежала Библия, обосновался большой грессбук с чередующимися страницами, озаглавленными «Доктор» и «Кредит».

VIII

Пока месс Летьерри был в состоянии выполнять свои обязанности, он командовал «Дюрандой», и у него не было другого лоцмана или капитана, кроме него самого; но, как мы уже говорили, пришло время, когда он был вынужден найти преемника. Для этой цели он выбрал сьера Клабена из Тортеваля, человека молчаливого. На побережье сьер Клабен отличался строгой честностью. Он стал альтер-эго, двойником месса Летьерри. Сьер Клюбен, хотя и походил скорее на нотариуса, чем на моряка, был моряком редкого мастерства. Он обладал

всеми талантами, необходимыми для того, чтобы противостоять опасностям любого рода. Он был умелым судоводителем, хитрым и осторожным человеком на борту, быстрым и осмотрительным боцманом, умелым рулевым, опытным лоцманом и смелым капитаном. Он был благоразумен, и иногда его благоразумие доходило до дерзости, что является отличным качеством на море. Его природное предчувствие опасности было смягчено сильным чутьём на то, что возможно в чрезвычайной ситуации. Он был одним из тех моряков, которые готовы идти на риск в той степени, в которой они сами это прекрасно понимают, и которым, как правило, удаётся успешно выйти из любой ситуации. Он обладал всей уверенностью, на которую способен человек, имеющий дело с такой непостоянной стихией, как море. Более того, сьер Клубен был известным пловцом; он принадлежал к той породе людей, которые отдаются на волю волн и могут оставаться в воде столько, сколько им заблагорассудится, — могут стартовать с Гаврде-Па на Джерси, обогнуть Колетт, проплыть вокруг Эрмитажа и замка Элизабет и вернуться через два часа в отель — точку, с которой он начал. Он приехал из Тортеваля, где, по слухам, часто переплывал столь страшный проход от скал Ханузэй до мыса Пленмон. Одним из обстоятельств, которое рекомендовало сьера Клубена мессу Летьерри больше, чем что-либо другое, было то, что он правильно оценил характер Рантена. Он указал Летьерри на нечестность этого человека и сказал: «Рантен тебя ограбит».

Его предсказание подтвердилось. Не раз — правда, в делах не очень важных — мессир Летьерри проявлял свою всегдашнюю скрупулезную честность и свободно беседовал с ним о своих делах. Месс Летьери любил повторять: «Человек с чистой совестью ожидает, что к нему будут относиться с полным доверием».

IX

Месс Летьери, ради собственного удобства, всегда носил морскую одежду и предпочитал лёгкой куртке брезентовый бушлат. Дерюшett иногда досадовала на эту странность. Нет ничего прекраснее надутой красавицы. Она смеялась и бранилась.

«Мой дорогой папа, — говорила она, — как он пахнет смолой!» — и легонько хлопала его по широким плечам. Этот старый добрый моряк собрал о своих путешествиях много удивительных историй. На Мадагаскаре он видел птичьи перья, трех из которых хватило бы на крышу дома. В Индии он видел полевой щавель, стебли которого достигали девяти дюймов в высоту. В Новой Голландии он видел стада индеек и гусей, которых водила и охраняла птица, похожая на стадо пастушьих собак; эту птицу называли агами. Он побывал на кладбищах слонов. В Африке он столкнулся с гориллами, ужасным видом человекообразных обезьян. Он знал повадки всего обезьяньего племени, от дикой обезьяны с собачьей мордой, которую он называл Макако-Браво, до воющей обезьяны или Макако-Барбадо. В Чили он видел, как обезьяна в мешке вызвала сочувствие у охотника, показав своего детёныша. В Калифорнии он видел, как на землю упал полый ствол дерева, такой огромный, что человек верхом на лошади мог бы проехать в нем сотню шагов. В Марокко он видел, как мозабиты и бисскри сражались матраками и железными прутьями — бисскри, потому что их называли келбами, что означает «собаки»; и мозабиты, потому что с ними обращались как с хамси, что означает «люди пятой секты». В Китае он видел, как пирата Чан-Тхонг-Куан-Ларх-Куои разрубили на куски за то, что он убил главу деревни. В Ту-Дан-Мот он видел, как лев унёс старую женщину с открытой рыночной площади. Он присутствовал при прибытии Великого Змея, привезенного из Кантона в Сайгон, чтобы отпраздновать в пагоде Чоллен праздник Куан-Нам, богини мореплавателей. Он видел великого Куан-Су среди племени Мои.

В Рио-де-Жанейро он видел, как бразильские дамы по вечерам втыкали в волосы маленькие газовые шарики, в каждом из которых было по красивому светлячку, и все это образовывало головной убор из маленьких мерцающих огоньков. В Парагвае он сражался с полчищами

огромных муравьёв и пауков, больших и пушистых, как голова младенца, они передвигались на своих длинных ногах в треть ярда и нападали на людей, укалывая их своими щетинками, острыми, как стрелы, и причиняющими болезненные ощущения и оставляя кровавые волдыри. На реке Аринос, притоке Токантинса, в девственных лесах к северу от Диамантины, он установил существование мифических людей в форме летучих мышей, мурчилаго, или людей, которые рождаются с белыми волосами и красными глазами, которые живут в тенистых уединённых лесах, спят днём, бодрствуют ночью, ловя рыбу и охотясь в темноте, где видят каждый куст лучше, чем при свете луны. Он рассказал, как однажды в лагере экспедиции, в которой он участвовал, недалеко от Бейрута, из палатки был украден дождемер, принадлежавший одному из участников экспедиции. Волшебник, одетый только в две или три полоски кожи и выглядевший так, словно на нем не было ничего, кроме подтяжек, затрубил в колокольчик на конце рога с такой силой, что гиена в конце концов откликнулась на призыв и вернула пропавший инструмент. Вором на самом деле была гиена.

Эти правдивые истории сильно походили на вымысел, но они забавляли Дерюшетту. Пупе, или «кукла» Дюранды, как жители Нормандских островов называют фигурку на носу корабля, была связующим звеном между судном и племянницей Летьерри. На Нормандских островах носовую часть корабля, грубо вырезанную деревянную статую, называют Пупи. Отсюда и местная поговорка, означающая «плыть под парусом». Месс Летьерри особенно ценил пышку из Дюранды. Он поручил мастеру сделать её похожей на рулет. Это выглядело как грубая попытка вырезать лицо топором или как неуклюжее бревно, изо всех сил старающееся походить на девушку.

Эта бесформенная глыба произвела огромное впечатление на воображение месса Летьерри. Он смотрел на неё почти с суеверным восхищением. Его вера в неё была безгранична. Он смог обнаружить в ней поразительное сходство с Дерюшеттой. Таким образом, догма похожа на истину, а идол — на божество. У месса Летьерри было два больших праздника в неделю: один — во вторник, другой — в пятницу. Его первой радостью было увидеть, как «Дюранда» поднимает якорь, а второй — как она снова входит в порт. Тогда он облокачивался на подоконник, созерцая свою работу, и был счастлив. По пятницам появление мессера Летьерри у его окна служило сигналом. Когда люди, проходившие мимо «Храбрецов», видели, как он раскуривает трубку, они восклицали: «Ага! пароход уже виден».

Один клуб дыма следовал за другим. «Дюранда», войдя в порт, привязывала свой трос к огромному железному кольцу под окном месса Летьерри и закрепляла его в подвале дома. В эти ночи Летьерри крепко спал в своём гамаке, ощущая умиротворяющее присутствие Дерюшетты, спящей в своей комнате рядом с ним, и «Дюранды», пришвартованной напротив. Причал «Дюранды» находился недалеко от большого портового колокола. Отсюда начиналась небольшая полоска набережной перед входом в «Храбрецов». Набережная, поселок Браве и его дом, сад, аллеи, окаймлённые бордюрами, и даже большей части окружающих домов больше не существуют. Спрос на гернсейский гранит распространился и на них. Вся эта часть города теперь занята мастерскими каменотесов.

Х

Дерюшетта приблизилась к своему совершеннолетию, но все ещё не была замужем. Месс Летьерри, воспитавший её так, чтобы у неё были белые руки, также спитал её несколько привередливой. У такого воспитания есть свои недостатки, но сам Летьерри в жизни был ещё более привередливым. Он хотел бы обеспечить одновременно обоим своим кумиров; найти в проводнике и спутнике жизни командира и для себя и капитана для судна. Что такое муж, как не кормчий в супружеском путешествии? Почему бы тогда не назначить одного и того же проводника для судна и для девушки? В делах домашнего хозяйства есть свои приливы и отливы, и

тот, кто умеет управлять барком, должен знать, как направлять судьбу женщины, поскольку и та, и другой подвержены влиянию Луны и ветра. Сьер Клубен, будучи всего на пятнадцать лет моложе Летьерри, был бы лишь временным капитаном «Дюранда». Необходимо было найти молодого капитана, постоянного капитана, настоящего преемника основателя, изобретателя и создателя парохода «Большой Канал». Капитан «Дюранды», который соответствовал бы его идеалу, уже был бы почти зятем в глазах Летьерри. Почему бы не сделать его зятем в двойном смысле этого слова? Идея ему понравилась. Муж из отряда Дерюшетты преследовал его в мечтах.

Его идеалом был сильный моряк, загорелый от непогоды, морской спортсмен. Однако это не совсем соответствовало идеалу Дерюшетта. Её сны, если их вообще можно было назвать снами, носили более неземной характер. Дядя и племянница, во всяком случае, согласились не торопиться с решением этих проблем. Когда Дерюшетту начали рассматривать как возможную наследницу, появилась толпа поклонников. Внимание в таких обстоятельствах, как правило, многого не стоит. Месс Летьерри чувствовал это. Он часто повторял старую французскую пословицу: «Девушка из золота, а жених из меди». Он вежливо проводил искателей счастья до двери. Он был готов ждать, и Дерюшетта тоже. Пожалуй, странным фактом было то, что он не питал особой симпатии к местной аристократии. В этом отношении месс Летьерри показал себя не совсем англичанином. Трудно поверить, что он даже отказался от Дерюшетта Гандуэля из Джерси и Багне Николина из Сарка. Люди были достаточно смелы, чтобы утверждать, хотя мы сомневаемся, что это было возможно, что он даже отклонил предложения члена семьи Эду, которая, очевидно, вёл свое происхождение от Эдуарда Исповедника.

XI

У месса Летьерри был недостаток, и серьёзный. Он терпеть не мог священников, хотя и не как отдельных людей, а как организацию. Прочитав однажды — при том, что он не любил читать — в одном произведении Вольтера — до того он даже Вольтера не читал — замечание о том, что у священников «есть что-то кошачье в натуре», он отложил книгу, и было слышно, как он пробормотал: «Тогда, я полагаю, во мне есть что-то собачье и следовательно, со святошами мне не по пути!» Следует помнить, что священники — лютеране и кальвинисты, а также католики — энергично боролись с новой «дьявольской лодкой» и преследовали её изобретателя. Быть своего рода революционером в искусстве мореплавания, привнести дух прогресса в Нормандский архипелаг, нарушить покой бедного маленького острова Гернси новым изобретением — всё это, как мы не скрывали от читателя, было в их глазах отвратительной и заслуживающей осуждения заморочью. Они не преминули сразу громко осудить это. Не следует забывать, что сейчас мы говорим о духовенстве Гернси ушедшего поколения, сильно отличающемся от нынешнего, которое почти во всех местных местах отправления культа проявляет похвальную симпатию к прогрессу.

Они ставили Летьерри в неловкое положение сотнями способов; против него были использованы все средства борьбы, какие только можно найти в проповедях и ектинях. Ненавидимый церковниками, он, естественно, в свою очередь стал испытывать к ним отвращение. Их ненависть была смягчающим обстоятельством, которое следовало принимать во внимание при вынесении ему приговора. Но следует признать, что его неприязнь к священникам была в какой-то степени заложена в самой его натуре. Вряд ли им было обязательно ненавидеть его, чтобы внушить ему отвращение. По его словам, он держался среди них, как собака среди кошек. Он испытывал к ним антипатию не только по разнице мировоззрений, но и по тому, что труднее поддается анализу, — по своим инстинктам. Он чувствовал их тайные когти и показывал им зубы; иногда, надо признаться, несколько невпопад и не вовремя. Было бы ошибкой

не делать различий: неприязнь в массе — это предрассудок. Добрый савойский священник не снискал бы благосклонности в его глазах.

Не уверен, что Летьерри вообще мог вообразить достойного священника. Его философия заходила так далеко, что здравый смысл иногда покидал его. Существует такая вещь, как нетерпимость толерантных, а также жестокость умеренных. Но Летьерри был по натуре слишком добродушен, чтобы быть ярым ненавистником. Он не столько нападал, сколько избегал. Он держал представителей церкви на расстоянии. Он терпел зло от их рук, но ограничивался тем, что не желал им ничего хорошего. На самом деле, разница между его неприязнью и их неприязнью заключалась в том, что они испытывали враждебность, в то время как он испытывал только сильную антипатию и отвращение. Каким бы маленьким ни был остров Гернси, на нём, к сожалению, много места для религиозных распрей; если говорить в целом, то здесь есть католическая вера и протестантская вера; у каждой формы отправления культа есть свой храм или часовня. В Германии, в Гейдельберге, например, люди не столь разборчивы; они делят церковь надвое, одна половина принадлежит Святому Петру, другая половина — Кальвину, и между ними есть перегородка, предотвращающая религиозные разногласия, заканчивающиеся кулачными боями. Доли равны: у католиков три алтаря, у гугенотов три алтаря. Поскольку службы проходят в одно и то же время, один колокол созывает обе конфессии на молитву; по сути, он звонит как по Богу, так и по сатане, в зависимости от того, как каждая из сторон считает нужным это расценивать. Нет ничего проще.

Я полагаю, что флегматичный характер немцев благоприятствует такому своеобразному устройству, но на Гернси у каждой религии есть свое собственное местожительство; есть православный приход и еретический приход; человек может выбирать. Месс Летьерри выбрал «ни то, ни другое». Этот моряк, рабочий, философ и мелкий торговец, хотя и был простым человеком с виду, в глубине души отнюдь не был простаком. У него были свои мнения и предубеждения. Что касается священников, то тут он был непреклонен; он мог бы участвовать в ристалище вместе с Монлозье. Иногда он позволял себе довольно непочтительные шутки на эту тему. По этому поводу у него были некоторые странные выражения, свойственные ему самому, но достаточно многозначительные. Исповедь он называл «чистилкой совести». То немного, что он знал — кое — что из прочитанного в перерывах между шквалами на море, — не мешало ему допускать орфографические ошибки. Он также допускал ошибки в произношении, некоторые из которых, однако, придавали его словам двойной смысл, что можно было заподозрить в коварном умысле.

После того, как в результате битвы при Ватерлоо был заключен мир между Францией Людовика XVIII и Англией Веллингтона, мессир Летьерри, как было слышно, сказал: «Мы являемся сторонниками союза между двумя лагерями». Однажды он написал «папэти» для «папауте». Мы не думаем, что эти каламбуры были преднамеренными. Хотя он был ярким антипапистом, это обстоятельство отнюдь не способствовало примирению англиканцев. Протестантские настоятели любили его не больше, чем католические кюре. Провозглашение величайших догматов не мешало его анти-теологическому настрою вырваться наружу. Случай, например, однажды привёл его послушать проповедь преподобного Жакмена Эроде о вечной каре — великолепную речь, от начала до конца наполненную священными текстами, доказывающими вечную боль, мучения, гибель, неумолимые муки, бесконечными сожжениями, неугасимыми проклятиями, гневом Всемогущего, небесной яростью, божественным возмездием и другими неоспоримыми реалиями — было слышно, как он сказал, выходя из дома среди верной паствы: «Видите ли, у меня есть собственное странное мнение на этот счет; мне легче представить себе Бога, как милосердное существо».

Эта атеистическая закваска, несомненно, появилась благодаря его пребыванию во Франции. Хотя он был чистокровным уроженцем Гернси, на острове его называли «французом», но главным образом из-за его «неподобающей» манеры говорить. На самом деле он не скрывал

правды от самого себя. Он был пропитан идеями, противоречащими устоявшимся институтам. Его упорство в создании «Дьявольской Лодки» доказало это. Он часто говорил: «Меня вскормил 89-й год — плохая кормилица для многих!». Это были не единственные его проступки. Во Франции «соблюдать приличия», в Англии «быть респектабельным» — главное условие спокойной жизни. Быть респектабельным означает соблюдать множество мелких правил, от строгого соблюдения воскресного дня до аккуратного завязывания галстука.

«Вести себя так, чтобы никто не мог указать на тебя пальцем» — таков ужасный социальный закон толпы. Когда на тебя указывают пальцем, это почти то же самое, что предать анафеме. Маленькие городки, всегда являющиеся рассадниками сплетен, отличаются той изолированной злобой, которая подобна страшному проклятию Церкви, увиденному не с того конца телескопа. Самые смелые боятся этого испытания. Они готовы противостоять буре, пушечному залпу, но сжимаются от взгляда «миссис» Гранди.

Месс Летьерри был скорее упрям, чем логичен, но под давлением даже его упрямство уступало. Он добавил, используя еще одно из своих выражений, в высшей степени наводящее на мысль о скрытых компромиссах, в которых не всегда приятно признаваться, «немного воды в вино». Он держался в стороне от духовенства, но не закрывал перед ним дверь. В официальных случаях и во время обычных пастырских визитов он с достаточной любезностью принимал как лютеранского настоятеля, так и папистского капеллана. Он даже, хотя и через определенные промежутки времени, сопровождал Дерюшетту в англиканскую приходскую церковь, куда сама Дерюшетта, как мы уже говорили, ходила только по четырём самым большим праздникам в году. В целом, эти маленькие уступки, которые всегда причиняли ему боль, раздражали его; и они не только не расположили его к церковникам, но только усилили его внутреннее неискоренимое отвращение к ним. Он компенсировал это ещё большим количеством насмешек. В его натуре, в целом лишённой мстительности, не было ничего жестокого, кроме этого. Однако изменить его было невозможно. На самом деле, это было заложено в самом его характере, и он был не в силах контролировать это.

Ему были неприятны все священники или служители культа подряд. Ему не хватало прежнего революционного благоговения. Он не делал различий между одной формой богослужения и другой. Он не оценил по достоинству этот великий шаг в развитии идей — отрицание реального присутствия. Его близорукость в этих вопросах даже помешала ему увидеть какую-либо существенную разницу между министром и аббатом. Преподобный доктор и преподобный отец были для него почти одним и тем же. Он часто говорил: «Уэсли мне по вкусу не больше, чем Лойола». Когда он видел преподобного пастора, прогуливающегося со своей женой, он оборачивался, чтобы посмотреть на них, и бормотал: «женатый священник», — таким тоном, который подчеркивал всю абсурдность этих слов для французов того времени. Он часто рассказывал, как во время своего последнего путешествия в Англию он видел «епископессу» Лондона. Его неприязнь к бракам такого рода доходила почти до отвращения.

«Мантия и облачение плохо сочетаются», — говаривал он. Жреческая функция была для него чем-то вроде особого пола. Для него было бы естественно сказать: «Ни мужчина, ни женщина, а всего лишь священник»; «курица — не птица — приор не человек!» и у него хватило дурного вкуса применить к англиканскому и римско-католическому духовенству одни и те же презрительные эпитеты. Он смешал две сутаны в одной и той же фразеологии. Он не потрудился изменить в пользу католиков или лютеран, или кем бы они ни были, обороты речи, распространенные среди военных того периода. Он сказал Дерюшетте: «Выходи за кого хочешь, только не за святошу».

ХП

Месс Летъери запомнил сказанное слово, а Дерюшетта вскоре забыла его. В этом было ещё одно различие между дядей и племянницей. Воспитанная особым образом, о котором уже говорилось, Дерюшетта была не слишком приучена к ответственности. Недостаточно серьёзное образование таит в себе скрытую опасность, на которой нельзя слишком настаивать. Возможно, неразумно пытаться сделать ребёнка счастливым слишком рано. Пока она была счастлива, Дерюшетта считала, что всё в порядке. Она также знала, что её дяде всегда приятно видеть её довольной. Присущее ей религиозное чувство удовлетворялось посещением приходской церкви четыре раза в год. Мы видели её в рождественском наряде. О жизни она ничего не знала. У неё был характер, который в один прекрасный день мог привести к страстной любви. А пока она была довольна. Время от времени она пела, время от времени болтала, наслаждалась временем, пока оно проходило, выполняла какие-то мелкие обязанности и снова уходила, и во всём была очаровательна. Добавьте ко всему этому английскую свободу, которой она наслаждалась. В Англии даже младенцы ходят одни, девочки сами себе хозяйки, а в подростковом возрасте почти нет ограничений.

Таковы различия в манерах. Сколько из этих свободных девушек впоследствии становятся рабынями? Я использую это слово в его наименее одиозном значении; я имею в виду, что они свободны в развитии своей натуры, но рабы долга. Каждое утро Дерюшетта просыпалась, почти не думая о своих вчерашних поступках. Её бы очень расстроило, если бы ей пришлось отчитываться о том, как она провела время на прошлой неделе. Всё это, однако, не мешало ей переживать часы странного беспокойства; временами казалось, что какая-то тёмная туча заслоняет сияние её радости. Неужели эти лазурные глубины подвержены таким теням? Но подобные облака вскоре рассеивались. Она быстро стряхнула с себя это настроение весёлым смехом, не понимая ни того, почему ей было грустно, ни того, почему к ней вернулась прежняя безмятежность. Она всегда была увлечена игрой. В детстве ей доставляло удовольствие дразнить прохожих. Она подшучивала над мальчиками. Если бы сам дьявол проходил мимо, она вряд ли избавила бы его от какой-нибудь хитроумной выходки. Она была хорошенькой и невинной; и она могла злоупотребить иммунитетом, предоставляемым таким качествам. Она была готова к этому с улыбкой, как кошка — к удару когтей. Тем хуже для жертвы её царапин. Она больше не обращала на них внимания. Вчерашний день для неё не существовал. Она жила сегодняшним днём в полной мере. Вот это значит, когда на твою долю выпадает слишком много счастья! С появлением Дерюшетты впечатления исчезали, как растаявший снег.

Книга IV «ВОЛЫНКА»

I

Жильят никогда не разговаривал с Дерюшеттой; он узнавал её, увидев издалека, как люди узнают утреннюю звезду. В то время, когда Дерюшетта встретила Жильята на дороге, ведущей из Сент-Питер-Порт в Вейл, и удивила его, начертив на снегу его имя, ей было всего шестнадцать лет. Всего лишь накануне вечером месс Летьери сказал ей: «Перестань, хватит детских выходок, ты замечательная девочка». Это слово «Жильят», написанное юной девушкой, запало ей в душу на неизмеримую глубину.

Кем были женщины для Жильята? Он и сам не смог бы ответить на этот вопрос. Когда он встречал женщину, то обычно внушал ей что-то вроде робости, которую испытывал сам. Он никогда не заговаривал с женщиной, кроме как в случае крайней необходимости. Он никогда не играл роль «кавалера» ни с одной из деревенских девушек. Когда он оказывался один на дороге и замечал, что навстречу ему идёт женщина, он перелезал через забор или прятался в какой-нибудь роще: он избегал даже старух. Однажды в своей жизни он видел парижанку. Летящая парижанка была странным явлением на Гернси в ту далекую эпоху, и Жильят слышал, как эта благородная дама рассказывала о своих маленьких неприятностях такими словами: «Я очень расстроена; у меня на шляпке несколько капель дождя. Бледно-коричневый — шокирующий цвет для дождя.»

Некоторое время спустя, обнаружив между страницами книги старинную гравюру, изображавшую «даму с шоссе д'Антен» в парадном наряде, он повесил её дома на стену в качестве сувенира об этом замечательном явлении. В то рождественское утро, когда он встретил Дерюшетту и когда она написала его имя и, смеясь, исчезла, он вернулся домой, едва ли сознавая, зачем ушёл. В ту ночь он почти не спал; ему снились тысячи вещей: что было бы неплохо выращивать чёрную редиску в саду; что он не видел, как мимо проплывала лодка с Сарка; не случилось ли с ней чего-нибудь? Потом он вспомнил, что видел белый очиток в цветку — редкость в это время года. Он никогда точно не знал, кто была та женщина, которая вырастила его, и решил, что она, должно быть, была его матерью, и думал о ней с удвоенной нежностью. Он вспомнил женскую одежду в старом кожаном сундуке.

Он полагал, что преподобный Жакемин Эроде, вероятно, рано или поздно будет назначен настоятелем Сент-Питер-Порта и заместителем епископа, и что место настоятеля Сент-Сэмсона станет вакантным. Затем он вспомнил, что на следующий день после Рождества будет двадцать седьмой лунный день, и, следовательно, прилив воды наступит в двадцать одну минуту четвертого, половина отлива — в четверть восьмого, отлив — в тридцать три минуты десятого и половодье — в тридцать девять.- девять минут первого. Он вспомнил, в мельчайших подробностях, костюм горца, продавшего ему волынку; его шляпу с орнаментом в виде чертополоха, его клеймо, его короткую куртку в обтяжку, его филабег, украшенный карманом, и его табакерку, его булавку, украшенную шотландским камнем, его два пояса, его кушак и портупеи, его меч, абордажную саблю, кортик и скене-дху — его нож в чёрных ножнах, с чёрной же рукояткой, украшенной двумя пирамидками из камней, — и голые колени солдата, его носки, гетры и ботинки с пряжками. Эта прекрасно экипированная фигура стала призраком в его воображении, который преследовал его с лихорадочным чувством, когда он погрузился в забытие. Когда он проснулся, было уже совсем светло, и его первой мыслью была Дерюшетта. На следующую ночь он спал более крепко, но ему снова снился шотландский солдат. Во сне он вспомнил, что заседания Верховного суда после Рождества начнутся 21 января. Ему также приснился пре-

подобный Жакмен Эроде. Он подумал о Дерюшетте и, казалось, страшно разозлился на неё. Ему захотелось снова стать ребёнком, чтобы бросать камни в её окна. Затем он подумал, что, если бы он снова был ребёнком, рядом с ним была бы его мать, и он начал рыдать. В то время Жильят собирался провести три месяца в Шоузи или у Мирикье, но не поехал. Он больше не ходил пешком по дороге в Сент-Питер-Порт. Ему показалось странным, что его имя «Жильят» осталось начертанным на земле, и что прохожие останавливались, чтобы прочитать его.

II

С другой стороны, Жильят радовался, что каждый день видит этих храбрецов. По какой-то случайности он постоянно проходил этим путём. Казалось, что его дела всегда приводят его по тропинке, которая проходит под стеной сада Дерюшетты. Однажды утром, прогуливаясь по этой тропинке, он услышал, как торговка, возвращавшаяся с ярмарки, сказала другой: «Месс Летъери любит морскую капусту». Он выкопал в своем саду на Бю-де-ла-Рю яму для морской капусты. Морская капуста — это овощ, который по вкусу напоминает спаржу.

Стена в саду храбрецов была очень низкой, на неё было бы легко взобраться. Мысль о том, чтобы взобраться на неё, показалась ему ужасной. Но ничто не мешало ему слышать, в отличие от любого другого, голоса людей, разговаривающих, когда он проходил мимо, в комнатах или в саду. Он не прислушивался, но слышал их. Один раз он различил голоса двух споривших слуг, Грейс и Дус. Этот звук принадлежал всему дому, и их ссора звучала в его ушах как музыкальная интерлюдия. В другой раз он услышал другой голос, который, как ему показалось, принадлежал Дерюшетте. Он ускорил шаг и вскоре скрылся из виду. Однако слова, произнесённые этим голосом, запечатлелись в его памяти. Он повторял их каждое мгновение. Они были такими: «Не могли бы вы, пожалуйста, дать мне маленькую метлу?»

Постепенно он осмелел. У него теперь хватило смелости оставаться здесь на некоторое время. Однажды случилось так, что Дерюшетта пела за своим пианино, совершенно невидимая снаружи, хотя её окно было открыто. В воздухе витала мелодия «Бонни Данди». Он побледнел, но собрал всё своё мужество, чтобы дослушать песню.

Наступила весна. Однажды Жильяту явилось чудесное видение. Небеса разверзлись, и перед его глазами предстала Дерюшетта, поливавшая салат-латук в своем маленьком садике. Вскоре после этого он решил заняться чем-то большим, чем просто слушать. Он наблюдал за её привычками, за часами, которые она проводила, и ждал, чтобы хоть мельком увидеть её. При всем этом он был очень осторожен, чтобы его не заметили.

Прошёл год; пришло время, когда шпалеры были увиты розами и на них летали бабочки. Мало-помалу он научился часами прятаться за её стеной, неподвижный и молчаливый, никем не замеченный, и затаивал дыхание, когда Дерюшетта входила в сад и выходила из него. Люди постепенно привыкают к яду. Из своего укрытия он часто слышал, как Дерюшетта разговаривает с месс Летъери под густой листвой, в том месте, где стояла садовая скамья. Слова отчетливо доносились до его слуха. Какая перемена произошла с ним! Он даже спустился вниз, чтобы посмотреть и послушать. Увы! в сердце каждого человека есть что-то от шпиона. Там была ещё одна садовая скамейка, видимая ему и более близкая. Дерюшетта иногда сидела там. По цветам, которые, как он заметил, она собирала, он догадался о её вкусе в отношении духов. Её любимым ароматом был व्यюнок, затем жимолость, затем жасмин. Роза занимала лишь четвёртое место в списке. Она смотрела на лилии, но не чувствовала их запаха. Жильят представил её в своем воображении, исходя из этого выбора ароматов. С каждым ароматом он ассоциировал некое совершенство. От одной мысли о разговоре с Дерюшеттой у него волосы встали бы дыбом. Бедная старая сборщица старья, чьи странствия время от времени приводили её на узкую дорогу, ведущую под оградой «Храбрецов», иногда замечала усердие Жильята у стены и его привязанность к этому уединённому месту.

Связывала ли она присутствие мужчины перед этой стеной с возможностью присутствия женщины за ней? Ощущала ли она эту смутную, невидимую нить? Была ли она, несмотря на своё дряхлое нищенство, всё ещё достаточно молода, чтобы помнить что-то о прежних счастливых днях? И могла ли она в эту тёмную ночь и зиму своей несчастной жизни всё ещё различать рассвет? Мы этого не знаем, но, по-видимому, однажды, проходя мимо Жильята на его посту, она изобразила на лице что-то вроде улыбки, на что была еще способна, и пробормотала сквозь зубы: «Становится теплее». Жильят услышал эти слова и был поражен ими. «Это согревает», — пробормотал он с ноткой внутреннего недоумения. «Становится теплее». Что имела в виду старуха? Он механически повторял эту фразу весь день, но так и не смог разгадать ее значение.

III

Большую часть того лета он провёл в местечке за оградой сада храбрецов, под углом к стене, наполовину скрытом падубом и плющом и заросшем крапивой, дикой мальвой и крупной белой коровкой, растущей между каменными глыбами. Он смотрел оттуда, погружённый в глубокую задумчивость. Ящерицы постепенно привыкли к его присутствию и грелись на солнышке среди тех же камней. Лето было ясным и полным мечтательной праздности: над головой то появлялись, то исчезали лёгкие облачка. Жильят сидел на траве. Воздух был полон пения птиц. Он прижимал обе руки ко лбу, иногда пытаясь прийти в себя:

«Зачем ей понадобилось писать моё имя на снегу?»

Издалека доносились лёгкие дуновения морского бриза, время от времени резко звучал рог каменотеса, предупреждая прохожих о необходимости укрыться, так как они взрывали какую-то скалу пороховым зарядом. С этого места порт Сент-Сэмпсон был не виден, но он мог различить верхушки мачт над деревьями. Чайки летали далеко-далеко. Жильят слышал, как его мать говорила, что женщины могут любить мужчин; что такое иногда случается. Он помнил это; и говорил про себя:

«Кто знает, может быть, Дерюшетта не любит меня?»

Тогда его охватывала грусть; он говорил: «Она тоже, в свою очередь, думает обо мне. Это хорошо».

Он вспомнил, что Дерюшетта была богата, а он беден, и тогда новая лодка показалась ему отвратительной выдумкой. Он никак не мог вспомнить, какой сегодня день месяца. Он равнодушно смотрел на огромных пчёл с жёлтыми тельцами и короткими крылышками, которые с жужжанием влетали в отверстия в стене.

Однажды вечером Дерюшетта зашла в дом, чтобы лечь спать. Она подошла к окну, чтобы закрыть его. Ночь была тёмная. Внезапно что-то привлекло её внимание, и она прислушалась. Откуда-то из темноты донеслись звуки музыки. Возможно, кто-то на склоне холма, или у подножия башен Вейл-Касла, или, возможно, еще дальше, наигрывал мелодию на каком-то инструменте. Дерюшетта узнала свою любимую мелодию, «Бонни Данди», которую она играла на волынке. Она не придавала этому особого значения. С той ночи музыка стала звучать снова, время от времени, в одно и то же время, особенно когда ночи были особенно тёмны. Дерюшетта была не очень довольна всем этим. IV

«Ночная серенада может понравиться прекрасной даме, но трубадур остерегается ее». Неопубликованная комедия

Прошло четыре года. Дерюшетте шел двадцать первый год, а она всё ещё не была замужем. Какой-то писатель сказал, что навязчивая идея — это своего рода буравчик; с каждым годом она становится всё более навязчивой. Мечтать в первый год все равно, что рвать с корнем волосы; на второй год — все равно, что сдирать кожу; на третий — все равно, что ломать кости; а на четвертый — все равно, что удалять сам мозг. Жильят достиг этой четвертой стадии. Он

ещё ни разу не сказал Дерюшетте ни слова. Он жил и мечтал рядом с этим восхитительным видением. Вот и всё. Однажды, случайно оказавшись в Сен-Сампсоне, он увидел, как Дерюшетта разговаривает с месс Летъери у дверей «Храбрецов», выходящих на проезжую часть порта. Жильят отважился подойти совсем близко. Ему показалось, что в тот самый момент, когда он проходил мимо, она улыбнулась. В этом не было ничего невозможного.

До Дерюшетты всё ещё время от времени доносились звуки волынки. Месс Летъери тоже слышал эту волынку. Мало-помалу он обратил внимание на настойчивого музыканта под окном Дерюшетты. Нежная мелодия, тем более подозрительная. Ночной кавалер был ему не по вкусу. Он хотел женить Дерюшетту в своё время, когда она захочет или он сам захочет, чисто и просто, без всякой романтики, музыки или чего-либо в этом роде. Раздосадованный этим, он в конце концов решил понаблюдать за Жильятом, и ему показалось, что он его заметил. Он провёл пальцами по бороде — признак гнева — и проворчал: «О чём это этот парень болтает? Он влюблен в Дерюшетт, это ясно. Вы напрасно тратите время, молодой человек. Любой, кто хочет получить Дерюшетту, должен прийти ко мне, а не слоняться без дела, играя на флейте». Вскоре после этого произошло важное событие, которое давно предвидели. Было объявлено, что преподобный Жакемин Эроде был назначен заместителем епископа Винчестерского, деканом острова и настоятелем порта Святого Петра, и что он покинет Сент-Сэмпсон и переедет в собор Святого Петра сразу же после того, как будет назначен его преемник.

Вскоре прибыл новый настоятель. Это был джентльмен нормандского происхождения, месье Эбенезер Кодрей. О новом ректоре были известны некоторые факты, которые доброжелатели и недоброжелатели истолковывали в противоположном смысле. Было известно, что он был молод и беден, но его молодость была омрачена большим количеством знаний, а бедность — хорошими перспективами. На диалекте, специально придуманном для описания богатства и наследства, смерть обозначается словом «Большие Ожидания». Он был племянником и наследником престарелого и богатого настоятеля монастыря Святого Асафа. После смерти этого старого джентльмена он стал бы богатым человеком. У месье Кодре были знатные родственники. Он почти заслуживал звания «Благородный». Что касается его учения, то люди судили о нём по-разному. Он был англиканцем, но, по выражению епископа Тиллотсона, «распутником», то есть, на самом деле, человеком очень суровым. Он отвергал всякое фарисейство. Он был другом скорее пресвитерии, чем епископата. Он мечтал о Первобытной Церкви тех дней, когда даже Адам имел право выбрать себе Еву, и когда Фрументин, епископ Иерапольский, похитил молодую девушку, чтобы сделать её своей женой, и сказал её родителям: «Такова её воля, и такова моя. Ты больше не её мать, и ты больше не её отец. Я епископ Иерапольский, а это моя жена. Её отец на небесах.»

Если верить распространённому мнению, месье Кодре подчистил текст «Почитай отца твоего и мать твою» и подложил его под другой текст, который, по его мнению, имел более высокое значение:

«Женщина — плоть от плоти мужчины. Она должна оставить своих отца и мать и последовать за своим мужем».

Однако эта тенденция ограничивать родительскую власть и с религиозной точки зрения поддерживать все способы установления супружеских уз характерна для всего протестантизма, особенно в Англии и особенно в Америке.

IV

В этот период дела месса Летъерри были в таком состоянии: — «Дюранда» полностью оправдала все его ожидания. Он расплатился с долгами, исправил свои неудачи, выполнил свои обязательства в Бreme, получил одобрение в Сен-Мало. Он выплатил ипотеку за свой дом в «Бравиз» и оплатил все небольшие местные арендные платежи за недвижимость. Он

также продолжал оставаться владельцем крупного производственного капитала. Это была сама «Дюранда». Чистый доход от яхты составлял около тысячи фунтов стерлингов в год, и трафик перевозок становился всё более напряжённым. Строго говоря, Дюранда составляла всё его состояние. Она также была богатством острова. Поскольку перевозка скота была одной из самых прибыльных отраслей островного бизнеса, он был вынужден отказаться от ящиков для багажа и двух лодок, чтобы облегчить погрузку и выгрузку животных. Возможно, это было неосмотрительно. У «Дюранды» была только одна лодка, а именно баркас, и он был превосходен. Со времени ограбления Рантена прошло десять лет. Такое процветание «Дюранды» имело свои слабые стороны. Оно не внушало доверия. Люди расценивали это как риск. Удача Летьерри почиталась исключительной. Считалось, что он добился успеха благодаря удачной поспешности. Кто-то на острове Уайт, кто подражал ему, не преуспел. Предприятие разорило акционеров. Двигатели, по сути, были плохо сконструированы. Но люди отрицательно качали головами. Инновациям всегда приходится сталкиваться с трудностями, поскольку мало кто желает им успеха. Малейший неверный шаг ставит их под угрозу. Сообщалось, что один из коммерческих оракулов Нормандских островов, некий банкир из Парижа по имени Жож, получив консультацию по поводу спекуляций на пароходах, отвернулся со словами: «Вы предлагаете мне инвестиции? Именно, инвестиции в дым и туман». С другой стороны, владельцам парусных судов не составило труда найти капиталистов, которые согласились бы принять участие в предприятии. Капитал, по сути, был категорически за паруса и столь же категорически против котлов и гребных колёс. На Гернси «Дюранда» действительно была фактом, но использование пара еще не стало устоявшимся принципом. Таков фанатичный дух консерватизма, противостоящего прогрессу. О Летьерри говорили: «Все это очень хорошо, но он не смог бы сделать это во второй раз». Его пример не только не воодушевлял, но и внушал робость. Никто бы не осмелился рискнуть еще раз. А многие были убеждены, что без потворства дьявольских сил судовладелец Летьерри давно уже лишился своего судна и был бы обанкрочен.

V

Равноденственные штормы в проливе начинаются рано. Море там узкое, стеснённое высокими берегами и ветры легко приводят его в волнение. С февраля начинаются западные штормы, и тогда волны с невиданной силой накатывают со всех сторон. Судоходство становится делом нелёгким и опасным. Люди на побережье смотрят на сигнальный столб и начинают следить за судами, терпящими бедствие. Тогда море становится похожим на головореза, подстерегающего свою жертву в засаде. Невидимая труба подает сигнал о войне со стихиями, из-за горизонта доносятся яростные раскаты ветра, похожие, вероятно, на голос самого дьявола, и вскоре бешеными порывами начинает дуть свирепый ветер. Тёмная ночь свистит и завывает. В глубине облаков чёрная буря надувает щёки, и начинается гроза с мечущимися по небу грядями чугуновых туч. Насмешники давно рисовали эту незабываемую физиономию бури, но их смех, смех тех, кто никогда ничего подобного не испытывал, был неуместен. Ветер — это одна опасность, туманы — другая. Туманы испокон веков наводили ужас на древних мореплавателей. В некоторых туманах во взвешенном состоянии встречаются микроскопические призмы льда, которым Мариотт приписывает гало, псевдосолнца и параселены. Грозовые туманы имеют сложный состав и характер; различные газы с неодинаковым удельным весом соединяются с водяными парами и располагаются слой за слоем в таком порядке, который разделяет плотный туман на зоны. Ниже находится йод; выше йода — сера; выше серы — бром; выше брома — фосфор. Это, в определенной степени, с учетом электрического и магнитного напряжения, объясняет некоторые явления, такие как огонь Святого Эльма, потрясавший Колумба и Магеллана, летающие звёзды, движущиеся вокруг кораблей, о которых говорит Сенека; два огня, Кастор и Поллукс, упомянутые Плутархом; римский легион, чьи копья, как

показалось Цезарю, загорелись; пик замка Дуино во Фриули, который страж заставил засверкать, прикоснувшись к нему своим копьем; и, возможно, даже те вспышки, идущие из земли, которые древние называли земными молниями сатаны.

На экваторе земной шар, кажется, постоянно окутан чудовищного масштаба туманом. Это явление известно как Облачное Кольцо. Функция Облачного Кольца состоит в том, чтобы смягчать жару тропиков, а функция Гольфстрима — в том, чтобы смягчать холод на полюсе. Под Облачным Кольцом туманы губительны. Это так называемые верховые широты. Именно здесь мореплаватели прошлых веков имели обыкновение бросать своих лошадей в море, чтобы в недобрый час облегчить судно в штормовую погоду и сэкономить пресную воду во время штиля. Колумб сказал: «Nube abaxo ex muerte», — смерть таится в низких облаках. У этрусков, которые имели такое же отношение к метеорологии, какое халдеи имели к астрономии, было два верховных жреца — Верховный Жрец Грома и Верховный Жрец Облаков. «Фульгураторы» наблюдали за молниями, а предсказатели погоды — за туманами. К коллегии жрецов-авгуров обращались сирийцы, финикийцы, пеласги и все первобытные мореплаватели древнего Междуречья.

С тех пор происхождение бурь было отчасти понято и объяснено. Оно тесно связано с образованием туманов и, собственно говоря, является одним и тем же явлением. В океане существуют три области туманов, одна экваториальная и две полярные. Моряки дают им только одно название — «смоляной котел».

На всех широтах, и особенно в проливе Ла-Манш, опаснее всего равноденственные туманы. Они внезапно окутывают море тьмой. Одна из опасностей, связанных с туманами, даже если они не очень плотные, заключается в том, что они мешают морякам различать изменение морского дна по изменению цвета воды. В результате приближение мелководных песков и бурунов становится опасным. Тогда судно направляется к мелководью, не получая никакого предупреждения. Часто из-за тумана судну ничего не остаётся, кроме как лечь на мель или бросить якорь. Из-за туманов происходит не меньше кораблекрушений, чем из-за ветров.

После очень сильного шквалистого навала, последовавшего за одним из таких туманных дней, почтовое судно «Кашемир» благополучно прибыло из Англии. Он вошёл в порт Святого Петра с первыми лучами Солнца, озарившими море, и в тот самый момент, когда пушка замка Корнет возвестила о наступлении дня.

Небо прояснилось: с нетерпением ожидали прибытия шлюпа «Кашемир», который должен был привезти нового настоятеля Сент-Сэмпсона. Вскоре после прибытия шлюпа по городу разнёсся слух, что ночью в море его заметил баркас с командой, потерпевшей кораблекрушение.

VI

В ту самую ночь, когда ветер стих, Жильят вышел в море со своими сетями, не отходя, однако, слишком далеко от берега на своей знаменитой старой голландской лодке. Когда он возвращался с приливом, около двух часов пополудни, ярко светило Солнце, и он прошёл мимо Рога Зверя, чтобы добраться до маленькой бухты Бу-де-ла-Рю. В этот момент ему показалось, что он увидел в проекции сиденья «Гилд-Холм-Ур» тень, которая не была тенью скалы. Он подвёл свое судно поближе и смог разглядеть человека, сидящего на «Золотом холме». Море было уже очень высоко, скала была окружена волнами, и путь к спасению был полностью отрезан. Жильят делал знаки мужчине. Незнакомец оставался неподвижен. Жильят подошел ближе; мужчина спал. Он был одет в чёрное.

«Он похож на священника», — подумал Жильят. Подойдя еще ближе, он смог разглядеть лицо молодого человека. Черты лица были ему незнакомы. Скала, к счастью, была остроко-нечной, там была хорошая глубина. Жильят отошёл, и ему удалось обогнуть скалистую стену.

Прилив поднял баркас так высоко, что Жильят, стоя на планшире шлюпа, мог дотянуться до ног матроса. Он поднялся на палубу и вытянул руки. Если бы он упал в тот момент, то вряд ли смог бы подняться на поверхность; волны перекачивались между лодкой и скалой, и гибель была бы неизбежна. Он потянул за ногу спящего человека.

«Хо! Эй, там! Что ты делаешь в этом месте?» Мужчина проснулся и пробормотал:

— Я осматривался“. Теперь он окончательно проснулся и продолжил, — „Я только что прибыл в эти места. Я проделал этот путь ради увеселительной поездки. Я провел ночь на берегу моря: вид, открывающийся отсюда, показался мне прекрасным. Я устал и заснул!

— Еще десять минут, и ты бы утонул!

— Ха! «Прыгай в мою лодку!

Жильят крепко держался за борт ногой, одной рукой ухватился за камень, а другую протянул незнакомцу в чёрном, который быстро вскочил в лодку. Это был прекрасный молодой человек. Жильят взялся за румпель, и через две минуты его лодка вошла в бухту Бю-де-ла-Рю. На молодом человеке были круглая шляпа и белый галстук, а его длинный чёрный сюртук был застёгнут до самого горла. У него были светлые волосы, которые он носил по-мужски. Пр этом у него были несколько женственные черты лица, ясный взгляд и серьёзные манеры. Тем временем лодка коснулась земли. Жильят пропустил трос через причальное кольцо, затем повернулся и увидел молодого человека, протягивающего ему соверен очень белой рукой. Жильят осторожно убрал руку. Наступила пауза. Молодой человек первым нарушил молчание.

— Вы спасли меня от смерти!

— Возможно! — ответил Жильят. Швартовы были закреплены, и они сошли на берег.

Незнакомец продолжил:»

— Я обязан вам жизнью, сэр!

— Неважно!

За этим ответом Жильята снова последовала долгая пауза.

— Вы принадлежите к этому приходу?

— Нет! — ответил Жильят.

— Тогда к какому приходу?

Жильят поднял правую руку, указал на небо и сказал:

— Вон к тому!

Молодой человек поклонился и вышел. Пройдя несколько шагов, незнакомец остановился, порылся в кармане, вытащил книгу и, вернувшись к Жильяту, протянул ему.

— Всё же позвольте мне сделать вам подарок!. Жильят взял книгу. Это была Библия. Мгновение спустя Жильят, облокотившись на парапет, следил глазами за молодым человеком, который сворачивал с тропинки, ведущей к Сент-Сэмпсону. Мало — помалу он опустил взгляд, напрочь забыв о незнакомце — он больше не знал, существует ли «Гилд-Холм-Ур». Всё исчезло перед ним в бездонной глубине грёз. Одна бездна поглотила все его мысли. Это была Дерюшетта. Голос, зовущий его, пробудил его от этого сна.

— Эй, Жильят!

Он узнал голос и поднял глаза.

— В чём дело, сьер Ландуа?

На самом деле это был сьер Ландуа, который проезжал по дороге примерно в ста шагах от бульвара Бю-де-ла-Рю в своем фаэтоне, запряжённом маленькой лошадкой. Он остановился, чтобы поприветствовать Жильята, но, похоже, торопился.

— Есть новости, Жильят.

— Где это?

— В «Бравиз».

— Что там?

— Я слишком далеко, чтобы рассказать вам эту историю.

Жильят вздрогнул.

— Мисс Дерюшетт собирается замуж?

— Нет, но ей лучше поискать мужа!»

— Что вы имеете в виду?»

— Поднимитесь в дом, и вы узнаете!

И сьер Ландуа хлестнул свою лошадь.

Книга V РЕВОЛЬВЕР

I

Сьер Клабен был человеком, который всё время выжидал удобного случая. Он был невысок ростом, а цвет его лица был жёлтым. При этом он обладал силой быка. Жизнь в море не сделала его кожу загорелой; его кожа приобрела землистый оттенок; она была цвета восковой свечи, от которой в его глазах тоже было что-то похожее на ровный свет. Память у него была на редкость цепкая. Все знали что увидев человека один раз, он запоминал его, как нестираемую запись в записной книжке. Его спокойный взгляд овладевал вами. Зрачок его глаза воспринимал изображение лица и сохранял его, как портрет. Лицо могло состариться, но сьер Клабен никогда не забывал его; эту цепкую память было невозможно обмануть. Сьер Клабен был краток в речах, серьёзен в манерах, смел в поступках. Он никогда не позволял себе никаких жестов. Поначалу он всех расположил к себе своей искренностью; многие считали его бесхитростным. У него была морщинка в уголке глаза, удивительно подчеркивающая простодушие. Как мы уже говорили, не существовало более искусного моряка; никто не мог сравниться с ним в том, как он ставил паруса за рифом, держа судно носом к ветру или ставил паруса клаччиеским способом. Никогда ещё репутация религиозного и честного человека не была выше, чем у него. Заподозрить его означало бы навлечь подозрения на себя. Он был в близких отношениях с месье Ребюше, менялой из Сен-Мало, который жил на улице Сен-Винсент, по соседству с оружейным магазином; и месье Ребюше часто говорил: «Я бы оставил свою лавку в руках Клабена».

Сьер Клабен был вдовцом; его жена, как и он сам, пользовалась высокой репутацией честного человека. Она умерла, прославившись своей неподкупной добродетелью. Если бы баилли нашептал ей на ухо что-нибудь галантное, она бы подала на него в суд перед королем. Если бы святой занимался с ней любовью, она бы рассказала об этом священнику. Эта пара, Сьер и дама Клабен, воплотили в Тортевале идеал английского эпитета «респектабельный». У дамы Клабен была репутация белоснежного лебедя; сьер Клабен был подобен самому горностаю — любое пятно было бы для него смертельным. Он едва ли смог бы взять в руки булавку, не наведя справки о владельце. Он посылал городского глашатая за коробком спичек. Однажды он зашёл в винную лавку на улице Сен-Серван и сказал хозяину:

«Три года назад я завтракал здесь; вы ошиблись в счёте», — и вернул ему тринадцать су. Он был воплощением честности, а слегка сжатые губы свидетельствовали о бдительности. Казалось, он действительно всегда начеку — для чего? Вероятно, для мошенников. Каждый вторник он командовал судном «Дюранда», следовавшим из Гернси в Сен-Мало. Во вторник вечером он прибыл в Сен-Мало, пробыл там два дня, чтобы разгрузить и принять новый груз, и в пятницу утром снова отправился на Гернси. В то время в Сен-Мало была маленькая таверна недалеко от гавани, которая называлась «Jean Auberge». Строительство современных причалов уничтожило этот дом. В этот период море доходило до ворот Сент-Винсент и Динан. Сент-Мерлан и Сент-Серван сообщались друг с другом с помощью крытых повозок и других транспортных средств, которые курсировали взад и вперёд между судами, стоявшими высоко на суше, избегая буёв, якорей и тросов и подвергаясь риску время от времени они ударялись кожаными капюшонами о спущенные реи или об конец стрелы. В промежутках между приливами и отливами кучера гнали своих лошадей по этим пескам, где через шесть часов ветер уже разгонял накатывающиеся волны. Двадцать четыре собаки-поводыря из Сен-Мало, которые в 1770 году растерзали морского офицера, имели обыкновение бродить по этому пляжу. Чрез-

мерное рвение с их стороны привело к уничтожению стаи. Их ночной лай больше не был слышен между малым и большим Таларом. Сьер Клабен обычно останавливался в гостинице «Жан Оберж». Там находилось французское представительство «Дюранды». Сотрудники таможни и береговой охраны приходили перекусить и выпить в «Jean Auberger». У них были отдельные столики. Сотрудники таможни Биника сочли удобным встретиться там со своими коллегами из Сен-Мало. Капитаны судов тоже приходили сюда, но ели они за другим столом.

Сьер Клабен сидел то за одним, то за другим столом, но предпочитал стол таможенников столу морских капитанов. Ему всегда были рады и за тем, и за другим. Столы были хорошо сервированы. Специально для иностранных моряков подавали необычные напитки. Здесь можно было бы угостить хеладой какого-нибудь модного моряка с Бильбоа. Люди пили там крепкий портер, как в Гринвиче, или брауни-гез, как в Антверпене. Капитаны судов, вернувшиеся из дальних плаваний, и каперы иногда появлялись за столом капитанов, где они обменивались новостями.

«Как дела с сахаром? Эта комиссия взимается только за небольшие партии.

— Коричневые сорта, однако, заканчиваются. Три тысячи мешков ост-индского и пятьсот бочонков сауга.

— Поверьте мне на слово, противостояние закончится победой Виллеля. — А как насчет индиго? Только семь серонов Гватемалы перешли из рук в руки.

— Нанино-Хулия на дорогах.; симпатичная мастерица из Бретани.

— Два города Ла-Платы снова поссорились.

— В то время как Монте-Видео толстеет, Буэнос-Айрес худеет.

— Было признано необходимым перевезти груз с судна «Реджина-Кели», которое было конфисковано в Кальяо.

— Кокосовые орехи быстро расходятся.

— Стоимость мешков карака оценивается в сто тридцать четыре, а Тринидада — в семьдесят три.

— Оказывается, во время смотра на Марсовом поле люди кричали: «Долой министров!»

— Сырые соленые шкуры Саладерос продаются по шестьдесят франков., а коровы — в сорок восьмом.

— Они уже перешли Балканы?

— При чем тут Дибич?

— Анисовое семя пользуется спросом в Сан-Франциско. Оливковое масло Plagniol пользуется популярностью.

— Сыр Грюйер оптом стоит тридцать два франка за центнер.

— Ну что, Леон XII мертв? и так далее, и тому подобное.

Всё это обсуждалось и комментировалось вслух. За столом, где находились сотрудники таможни и береговой охраны, они разговаривали вполголоса. Вопросы, связанные с полицией и налоговыми сборами на побережье и в портах, на самом деле требуют немного большей конфиденциальности и немного меньшей ясности в разговоре. За столом морских капитанов председательствовал старый капитан крупного судна месье Гертре-Габуро. Месье Гертре-Габуро вряд ли можно было считать человеком; скорее, он был живым барометром. Долгая жизнь на море наделила его удивительной способностью предсказывать погоду. Казалось, он издает указ о том, какой будет погода на завтра. Он чувствовал ветер и, так сказать, держал руку на пульсе приливов. Можно было вообразить, что Он просит облака показать свой язык, то есть, скажем, свои раздвоенные молнии. Он был врачом волн, бриза и шквала. Океан был его пациентом.

Он путешествовал по миру, как врач, совершающий визиты, изучая все виды климата в их хорошем и плохом состоянии. Он был глубоко сведущ в патологии смены времён года. Иногда можно было услышать, как он говорит о себе в такой манере: «В 1796 году барометр опу-

стился на три градуса ниже точки бури». Он был моряком из «настоящей любви к морю». Он ненавидел Англию так же сильно, как любил океан. Он тщательно изучал английское морское дело и считал, что обнаружил его слабое место. Он объяснял, чем «Соверен» 1637 года выпуска отличается от «Ройял Уильям» 1670 года выпуска и «Виктори» 1775 года выпуска. Он сравнивал их конструкцию с точки зрения форштевня и квартердеков. Он с сожалением оглядывался на башни на палубе и воронкообразные вершины «Грейт Гарри» 1514 года, вероятно, рассматривая их как удобные укрытия для французских пушечных ядер. В его глазах нации существовали только благодаря своим военно-морским институтам. Он позволил себе несколько странных оборотов речи по этому поводу. Он счёл, что термин «Тринити-Хаус» достаточно точно указывает на Англию. «Северные комиссары» были для него таким же синонимом Шотландии, а «Балластная комиссия» — Ирландии. Он был переполнен морской информацией. Он сам по себе одновременно был и морской азбукой и альманахом, указателем тарифов и отмелей, всё вместе взятое.

Он знал наизусть все маячные сборы, особенно на английском побережье, — один пенни за тонну, если пройти здесь, и один фартинг, если пройти там. Он мог рассказать вам, что маленький маяк, который когда-то сжигал двести галлонов масла, теперь потребляет полторы тысячи. Однажды на борту корабля на него напала опасная болезнь, и считалось, что он умирает. Команда собралась вокруг его гамака, и, несмотря на его стоны и мучения, он обратился к старшему плотнику со словами: «Вам лучше сделать пазы с каждой стороны основных крышек и вставить в них по куску железа, чтобы можно было продеть верхние веревки».

Привычка командовать придавала его лицу властную суровость. Редко случалось, чтобы темы разговоров за столом капитанов и за столом таможенников совпадали. Однако это произошло в первые дни того февраля, к которому нас теперь подводит ход этой истории. Трехмачтовый капитан «Тамаулипаса» Зуэла, прибывший из Чили и снова направляющийся туда, был темой обсуждения за обоими столами. За столом капитанов говорили о грузе судна, а за столом таможенников — о некоторых обстоятельствах, связанных с его недавними действиями. Капитан Зуэла из Копьяпо был отчасти чилийцем, отчасти колумбийцем. Он принял участие в Войне за независимость, действуя по-настоящему независимо, присоединяясь то к Боливару, то к Морильо, в зависимости от того, что он считал нужным. Он обогатился, служа всем сразу. Ни один человек в мире не мог бы быть большим бурбонистом, большим бонапартистом, большим абсолютистом, большим либералом, большим атеистом или более истовым католиком. Он принадлежал к той великой и известной партии, которую можно назвать Прибыльной Партией Халявы. Время от времени он появлялся во Франции с коммерческими рейсами; и, если верить слухам, он охотно брал на борт беглецов любого рода — банкротов или политических беженцев, или бунтовщиков, ему было всё равно, при условии, что они могли заплатить. Его способ взять их на борт был прост.

Беглец ждал в уединённом месте на побережье, и в момент отплытия Зуэла отправлял за ним небольшую лодку. В своём последнем плавании он помог таким образом преступнику, скрывавшемуся от правосудия, по имени Бертон; и в этот раз его заподозрили в том, что он собирался помочь бегству людей, замешанных в деле бидассоа. Полиция была проинформирована и положила на него глаз. Этот период был эпохой бегства. Реставрация во Франции была реакционным движением. Революции порождают добровольные бегства, а реставрации — массовые изгнания. В течение первых семи или восьми лет, последовавших за возвращением Бурбонов, паника была всеобщей — в финансах, промышленности, торговле люди чувствовали, что земля уходит у них из-под ног. В коммерческом мире было много банкротств, в политическом — всеобщее стремление спастись бегством.

Лавалетт обратился в бегство, Лефевр Денуэтт обратился в бегство, Делон обратился в бегство. Специальные трибуналы снова вошли в моду — приговоры штамповались повсеместно, плюс Тритайон. Люди инстинктивно сторонились моста Сомюр, набережной реки

Реоль, стены Парижской обсерватории, башни Таврии Авиньонской — мрачных исторических памятников, на которых период реакции оставил свои следы, на которых до сих пор видны следы той окровавленной руки. В Лондоне дело Тислвуда с его последствиями во Франции: в Париже процесс Трогова с его последствиями в Бельгии, Швейцарии и Италии усилил мотивы беспокойства и бегства и дал толчок тому таинственному разгрому, который оставил так много пробелов в социальной системе Франции. в те дни Найти безопасное место — такова была общая забота. Оказаться замешанным в этом деле означало погибнуть. Дух военных трибуналов пережил их учреждение. Приговоры выносились в зависимости от обстоятельств. Люди бежали в Техас, в Скалистые горы, в Перу, в Мексику. Жители Луары, которые тогда были предателями, а теперь считаются патриотами, основали Азильское поле. Беранже в одной из своих песен говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.